

ВЕСТНИК ДОМА УЧИТЕЛЯ № 11

литературно - художественный альманах

С Днем Победы!

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Василий Лебедев-Кумач
(1941 год)

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Юрий Кузнецов

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началась война.

Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора.
Я уезжаю,
Быть обещаю
Верным тебе до конца...

Автор не известен

Михаил ЩУКИН

ВОЕННЫЙ ГОРОД

Глава 1

Кончилось мирное время

И было Новосибирску грозное предзнаменование – с неба. В черный день двадцать второго июня 1941 года.

Но утро этого дня занималось над Обью обычное – мирное. Скользили по медленно текущей воде отблески летней зари, город медленно и неторопливо просыпался – воскресенье, выходной день. Металлические репродукторы на столбах и черные тарелки радиоточек в квартирах и общежитиях радовали своих слушателей бодрими маршами, сообщениями о трудовых успехах, звонкими рапортами из заводских цехов и с колхозных полей.

Многие новосибирцы собирались за город, на природу. Складывали в кошелки нехитрую снедь, прихватывали с собой патефоны и пластинки, баян или гармошку – у кого что имелось. Петь и танцевать в те годы очень любили. Кто-то шел в парк Сталина, кто-то отправлялся в Заельцовку, а кто-то торопился на пристань, где готовы были принять отдыхающих пассажиров легкие прогулочные катера, накрытые полотновыми тентами. Мороженщицы в белых фартуках выкатывали свои тележки к самым людным местам и бойко торговали холодной сладостью в вафельных стаканчиках.

И вдруг вздыбилась на чистом небе, в считанные минуты, набрякшая, темная туча. На город, причем полосами, только на отдельные районы, внезапно обрушился невиданный град. Ледяная картечь хлестала по домам и деревянным тротуарам, по деревьям, по цветочным клумбам, по людям, которые пытались найти

хоть какое-нибудь укрытие, по окнам домов, со звоном выбивая стекла. Град падал столь плотно, что улицы мгновенно перекрасились в белый цвет. Ледяное крошево хрустело под ногами.

Так же внезапно, словно его среза, град прекратился. Снова выглянуло и засияло солнце, туча исчезла, и небо над городом, как и прежде, стояло высокое и чистое.

Новосибирцы еще не знали, что этот внезапный град упал на город, как предвестник уже наступившей великой бури и жестко рассек время – на мирное и на военное.

Вскоре из репродукторов выплеснулось:

«Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие...»

Оглушительная весть невидимым черным крылом накрыла город. И оказалось, что людям в эти минуты просто необходимо быть вместе. Многие, не дожидаясь каких-либо распоряжений или приказов, бежали к проходным своих предприятий, в свои учреждения и организации, где возникали стихийные митинги. Громкие речи перемешивались со слезами и женским безутешным плачем...

За несколько дней город разительно переменялся. На улицах появились военные патрули, возле военкоматов выстроились длинные очереди мужчин призывного возраста, и вот уже первые колонны пошли

к железнодорожному вокзалу, где стояли готовые к отправке эшелоны.

В центре Новосибирска были установлены «Окна ТАСС», где размещались сводки с фронтов и рисунки, стихи местных художников и литераторов. Рисунки и стихи отличались бодростью, а вот сводки с фронтов были неутешительными. Немецкие танковые клинья неумолимо распарывали западную часть Советской страны. Становилось все очевидней, что угроза – смертельная.

Тридцатого июня 1941 года был создан Государственный Комитет Обороны СССР. Ему передавалась вся полнота власти в стране. Председателем ГКО стал И.В. Сталин. В Новосибирской области уполномоченным ГКО был назначен первый секретарь обкома партии Михаил Васильевич Кулагин. С именем этого человека неразрывно связана вся военная история Новосибирска и Новосибирской области. Сейчас, по прошествии времени, когда читаешь документы и знакомишься со свидетельствами очевидцев тех грозных лет, невольно поражаешься: как удалось все это выдержать и не сломаться под неимоверной тяжестью, которая легла на народные плечи?!

Новосибирск сразу был выделен среди других сибирских городов, как наиболее удобный для приема эвакуированных с запада предприятий. Исходили из чисто прагматического расчета: город стоял на Транссибирской магистрали, имелся водный путь – река Обь, здесь располагался административный центр обширной Новосибирской области, поблизости находился столь нужный кузбасский уголь. Учитывалось и следующее обстоятельство – в Новосибирске заканчивалось строительство двух крупных заводов: авиационного завода имени В.П. Чкалова и комбината № 179, подчиненного Наркомату

боеприпасов (нынешний завод «Сибсельмаш»). Оба завода имели обширные производственные площади, на которых и приступили к монтажу оборудования прибывших заводов. Завод имени Чкалова принял оборудование и людей пяти предприятий, комбинат № 179 – семи. И это лишь малая часть из длинного перечня предприятий, организаций и учреждений, которые прибыли в Новосибирск.

Отечественная история, да, пожалуй, и мировая, не знала ничего подобного. За короткие сроки огромное количество людей, оборудования, самых различных материалов – все это было переброшено на большие расстояния, в условиях военного времени. Более тридцати тысяч вагонов с оборудованием и людьми перевезла из западных районов страны Томская железная дорога.

И все это нужно было разгрузить, принять, установить заново, запустить в работу и выдать продукцию. А еще – расселить людей. Документальный факт: на каждого жителя в предвоенном Новосибирске приходилось по 3,5 квадратных метров жи-

лой площади. Скромнее, кажется, некуда. Но требовалось именно на этих скромных площадях расселить сотни тысяч (!) человек. Началось «уплотнение», когда к коренным новосибирцам на постой определяли эвакуированных, срочно освобождались подвалы и чердаки, в авральном порядке строили каркасно-засыпные бараки или, как их называли в народе, засыпухи. Вкапывались столбы, на них нашивались доски, с внутренней и внешней стороны, так, чтобы между ними оставалось расстояние в десять–двадцать сантиметров, пустоты засыпались землей – барак готов. Рыли простые землянки. Берега Каменки и Ельцовки, словно птичьими гнездами, были сплошь усеяны такими землянками. Некоторые учреждения переводились из Новосибирска в другие места, вместе с сотрудниками. Так, например, Новосибирский пединститут оказался в Колпашево. Освободившиеся помещения и общежития срочно заселялись. И все равно – жилья не хватало...

А людей еще требовалось накормить.

С 1 сентября 1941 года в Новоси-

бирске вводится карточная система распределения продуктов. «Карточки» – это слово прочно и надолго войдет в быт горожан, и с этим словом будет связано множество человеческих трагедий, но об этом более подробно расскажем в ином месте. Все получатели карточек были разделены на две категории. Первая – те, кто работал в оборонной промышленности, на транспорте и так далее, существовал целый список; вторая – все остальные. Следует особо подчеркнуть, что карточки выдавались только работающим и их иждивенцам. Дневная норма хлеба рабочим первой категории устанавливалась 600 граммов, второй категории – 500–400 граммов, иждивенцам 400 граммов и детям до двенадцати лет – 400 граммов. Теперь представьте этот черный хлеб, испеченный из муки грубого помола, длинную рабочую смену в 10–12 часов, холодный барак или землянку, плохонькую, негреющую одежду и вам многое станет понятным.

Так заканчивалось первое военное лето, и начиналась первая военная осень.

Митинг трудящихся в парке им. И. Сталина 22.06.1941 г. по случаю начала войны (из газеты «Советская Сибирь» от 23.06.1941 г.

Глава 2

В условиях войны

До войны левый и правый берег Новосибирска связывала паромная переправа. Ходили катера, моторные лодки, дежурный пароход. Когда Обь замерзала, перебирались по льду. В создавшихся условиях это было совершенно неприемлемо. В самые кратчайшие сроки принято было решение о строительстве понтонного моста через Обь. И он был построен – всего за один месяц! Для целого поколения новосибирцев мост стал своего рода памятным местом. Днем по нему ехали машины и шли пешеходы, на ночь мост разводили, чтобы могли пройти катера, пароходы и баржи. Понтонный мост для Новосибирска являлся своеобразной «дорогой жизни», потому что обстановка требовала превращения города в единый узел, если угодно, в единый крепко сжатый кулак. С запада, словно волны, один за другим накатывали эшелоны.

Город в эти дни стал напоминать одну огромную строительную площадку. Разгружали вагоны, перемещали оборудование, рыли котлованы, спешно достраивали бараки... Пошли дожди, следом за ними выпал снег и ударили морозы – очень ранние в 1941 году. Уже в начале ноября температура доходила до минус сорока градусов. И именно к этому времени стала подходить основная масса эвакуированных заводов. Иногда в сутки становились для разгрузки до десятка эшелонов: на открытых платформах станки и оборудование, в теплушках – люди, измученные дальней дорогой и бомбежками. Дело в том, что некоторые заводы и предприятия эвакуировались буквально под огнем, оказавшись почти в районе боевых действий. Завод № 69, (нынешний приборостроительный завод имени В.И. Ленина), находившийся в Подмоскowie, неоднократно подвергался налетам вражеских самолетов. Выпуск продукции шел в самом прямом смысле под бомбежками. В ночь на пятое августа была особенно сильная бомбардировка. Двадцать один человек погиб, семнадцать были тяжело ранены. Непосредственный свидетель

тех трагических событий М.Е. Михалев вспоминал:

«Один из таких, уже привычных налетов фашистской авиации мне запомнился на всю жизнь. Я сидел на коньке крыши. Территория завода и домов ярко освещалась фонарями на зонтиках, которые сбрасывали немецкие летчики... Вдруг я услышал над головой вой падающей бомбы. Наш дом завибрировал с такой силой, что я какое-то время не ощущал опоры, на которой сидел. Бомба упала метрах в трехстах от нашего дома на территории завода. Я мгновенно побежал к месту взрыва. Перед моим взором предстала ужасная картина: бомба упала в расположение щелей-убежищ, многие оказались погребены в них, другие стояли по колено в земле, а некоторых забросило на ветки сосен. После этого случая во время воздушной тревоги все оставались на своих местах».

И в таких условиях нужно было демонтировать оборудование, погрузить его и отправить вместе с людьми на новое место – в Сибирь.

Поистине гигантская работа!

Но и она была лишь началом многотрудной эпопеи. Восьмого ноября первый эшелон завода № 69 подошел к станции Новосибирск-Главный. Мороз – больше тридцати градусов, ветер. И при такой погоде на подъездных путях мясокомбината началась разгрузка. Станки ставили на два заостренных бревна, человек сорок впрягались в лямки и тащили эти «салазки» к нужному месту. Горели костры, чтобы можно было обогреться. Нынешней улицы Дуси Ковальчук и нынешней площади Калинина еще не было. На этом месте стоял лес, и проходили несколько грунтовых дорог. Вот по ним и тащили оборудование.

Для завода было освобождено помещение института военных инженеров транспорта, помещения школы погранохраны и конюшни этой школы. И вот хроника того времени: через двадцать один день после того, как первый эшелон пришел в

Новосибирск, завод начал выпускать оптико-механическую продукцию. Через два месяца он достиг объема выпуска продукции, какой был на старом месте. А через полгода выпуск продукции превысил довоенный в два раза! Один сложный прибор был изготовлен за 17 дней, начиная со схемных решений и заканчивая выпуском опытного образца. На фронт шли артиллерийские панорамы и прицелы, танковые прицелы, приборы для зенитной артиллерии, дальнометры, образно говоря, завод № 69 обеспечивал действующую армию «зоркими глазами». Отстояв смену у станка или у кульмана, рабочие и ИТР шли на другую работу – долбили ломом и кирками неподатливую, замерзшую землю, рыли траншеи, прокладывали коммуникации.

Давалось это величайшим напряжением сил и воли.

Впрочем, так было на всех заводах, которые действовали в Новосибирске.

На заводе № 386 Наркомата боеприпасов (Новосибирский механический завод «Искра») практически вручную, в страшно холодную зиму 1941-42 года проложили водопровод длиной в шесть километров – от Оби до заводской территории. Ломали лед и опускали в реку бетонные кольца, обогривались у костров. Чтобы обеспечить завод лесоматериалами, проложили прямо в бор узкоколейку и начали лесозаготовки. Все понимали, что словам «нельзя», «не могу», «невозможно» верить никто не будет. Более того, слова эти могут быть истолкованы как паника, как бегство с передовой. И бывало, что именно так их и истолковывали.

Тяжелое положение сложилось на авиационном заводе и комбинате № 179. Еще окончательно не наладив весь производственный цикл, принимая на свои площади эвакуированные заводы, они на первых порах никак не могли выйти на заданные объемы производства. Читая документы того времени, порою чисто физически начинаешь ощущать неимоверное напряжение первых военных месяцев. Вот лишь несколько выписок из протоколов и решений Новосибирского обкома партии, которые нет необходимости подробно комментировать – столь они красноречивы.

Из протокола заседания Новоси-

бирского обкома ВКП (б) от 3 сентября 1941 года:

«... Бюро обкома ВКП (б) устанавливает, что директор завода № 153 (авиационный завод имени Чкалова – М.Щ.) т. Маланьин не учел предупреждение товарища СТАЛИНА и не обеспечил выполнение мобилизационного задания по выпуску самолетов ЛАГГ-3 в августе месяце (план выполнен на 54 процента). Вследствие нераспорядительности и безответственного отношения к делу допустил обезличку, совершенно неудовлетворительное использование оборудования и большие простои рабочих...

... Бюро обкома ВКП(б) постановляет:

1. Снять с работы директора т. Маланьина как не способного обеспечить выполнение мобилизационного плана. За проявленное благодушие, нераспорядительность и совершенно неудовлетворительное использование рабочей силы, инженерно-технических кадров и оборудования объявить т. Маланьину строгий выговор...

... 5. Предупредить руководство завода, начальников цехов, что они несут личную ответственность за выполнение суточного графика сдачи продукции, за правильное, производительное использование каждого работника в цехе, каждого станка и приспособления.

Обком ВКП (б) не потерпит в дальнейшем срыва мобилизационного плана и графика сдачи продукции и за невыполнение сентябрьского задания виновных будет привлекать к строжайшей партийной и судебной ответственности».

Из протокола заседания бюро Новосибирского обкома ВКП (б) о мерах по быстрейшему окончанию строительства комбината № 179 от 31 октября 1941 года:

«В целях ускорения ввода в действие строящихся предприятий комбината № 179 и форсирования строительно-монтажных работ по восстановлению производства боеприпасов эвакуированных заводов бюро обкома ВКП (б) постановляет:

Завод № 296 ФЭД. Харьков

1. Объединить в руках директора комбината № 179 руководство эксплуатацией и строительством комбината.

... 4. Обязать начальника строительного управления НКБ (наркомат боеприпасов – М.Щ.) передать с 1 ноября 1941 года директору комбината № 179 аппарат управления строительства заводов НКБ, конторы, учреждения и предприятия, жилой фонд и коммунально-бытовые предприятия, транспорт, все наличие материалов, оборудования и имущества, фонды на материалы и оборудование, рабочую силу и специалистов.

...6. За преступную практику ведения строительства, направленную на срыв выдачи готового выстрела, за затяжку строительно-монтажных работ, срывающих использование мощностей комбината № 179, начальника управления строек НКБ т. Полухина с работы снять, из партии исключить и предать суду военного трибунала».

Два этих документа, которые приведены выше, взяты мной из объемного научного издания «Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны» (Новосибирск, 2005 г.) В эту книгу вошло большое количество документов из так называемой «Особой папки», которые раньше не публиковались. За сухими казенными строками постановлений и решений явственно вырисовывается масштаб той огромной работы, кото-

рая совершалась в нашем городе в военное время. Жесткость, а порою и жестокость применяемых мер кажется из сегодняшнего дня иногда уж слишком суровой, но таковы были условия, в которых приходилось жить и работать нашим землякам – условия войны. Еще одна особенность этих документов – предельная конкретность. Абсолютно никакой риторики, призывов и лозунгов – только дело. Видимо, риторика и призывы оставались для митингов и для газетных статей.

К новому, 1942 году практически все эвакуированные заводы начали выдавать продукцию для фронта. Завод № 556 («Сибтекстильмаш»), завод № 564 («Точмаш»), завод № 386 (Новосибирский механический завод «Искра»), завод № 667 (завод «Луч»), опытный завод измерительных приборов, артиллерийский полигон – список этот далеко не полный, но важно другое: все они упорно работали на Победу. Новосибирск к 1942 году стал настоящим «опорным краем державы». Оборудование иногда устанавливали под открытым небом, и можно было наблюдать такую картину: станки уже работают, а рядом возводятся стены. К слову сказать, бетон, уложенный в тридцати и сорокаградусные морозы, как выяснилось позднее, отличался особой прочностью...

Это был поистине всенародный подвиг.

Глава 3

Гвардейцы тыла

На фотографиях военной поры, запечатлевших новосибирцев, очень мало мужских лиц. Женщины, девушки, подростки, почти дети. Вот кто был основной силой и двигателем оборонной промышленности. И это тоже была жестокая реальность. Мобилизация оставляла заводы без профессиональных кадров. Им требовалась срочная замена. А заменить могли только женщины и подростки. На один лишь комбинат № 179 облисполком и горисполком должны были направить в 1941 году 5800 человек – в июле, 11 000 – в августе, 9100 человек – в сентябре. На слабые женские плечи и на плечи подростков ложилась тяжкая работа. Прежде чем их поставить к станку, требовалось обучить хотя бы азам профессии. Но учить в классах было некогда, учили на ходу, на практике. Иные из токарей из-за малого роста не доставали до станка, поэтому перед многими станками стояли ящики или скамейки. А в сельские районы области все шли и шли новые планы по мобилизации «рабочей силы».

Это было суровое испытание для тех, кого вырывали из привычной семейной среды, ставили к станку и требовали от него работы по всем строгим законам военного времени.

Работа... По 10–12 часов, со скудным пайком, с ночевками в холодных бараках... Вот строки из воспоминаний М. Украинского, работника комбината № 179:

«Очень тяжело работается людям в предутренние часы ночной смены. Эти муки я испытал сам, когда работал станочником. Поэтому, будучи уже мастером, часто поднимался на площадку, что высилась в правом углу цеха, и следил за поведением станочниц. Им очень трудно. Утомляются глаза, тяжелеют и незаметно опускаются веки. С вышки мне видно, как некоторые работницы, качаясь, все чаще наклоняются к станку, затем, инстинктивно почувствовав в горячем дыхании вращающегося корпуса грозную опасность, вдруг отшатываются, взмахивая при этом руками. Жуткая картина пронизывает меня страхом. Хватаюсь за оправку резца и сильно ударяю в подвешенный кусок металла. Резкий звук сквозь шум работающих станков тут же разносится по участку... Женщины, вздрогнув, выпрямляются, оглядываются по сторонам. Но проходит какое-то время, и усталость снова берет свое. И снова звучит гонг мастера...»

Травматизм был настоящим бичом. Из-за усталости, из-за низкой квалификации люди часто калечились, а порою и гибли. И это тоже был счет войны, военных потерь.

Но проходило время, и вчерашние неумелые мальчишки и девочки становились настоящими мастерами, перевыполняли нормы, зачастую оставаясь ночевать в цехах, чтобы не тратить время на переходы к баракам и от них – к проходным заводам. Широкое распространение получили комсомольско-молодежные бригады, так называемые «фронтвые» бригады, движение «пятисот-тысячников» и «тысячников», то есть тех, кто выполнял сменные задания на пятьсот и на тысячу процентов. Этих ребят называли «гвардейцами тыла». А было «гвардейцам» по 14–16 лет. По сегодняшним меркам – совершенные дети. Но они терпеливо несли на своих плечах тяжкий крест общего испытания.

12 марта 1943 года в оперном театре, еще недостроенном, снаружи он стоял в лесах, проходил Первый съезд молодых рабочих Новосибирской области. Весь театр заполнили юные ребята и девушки. Для иных ораторов, которые поднимались на сцену, возле трибуны ставили специальную подставку, как у станков, иначе бы выступающего не было видно из зала. Многим запомнилось выступление Коли Губайдулина, 14-летнего работника обувной фабрики

Прославленный летчик трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин и рабочий обувной фабрики имени Кирова Коля Губайдулин, награжденный медалью «За трудовую доблесть»

имени Кирова. Маленького росточка, паренек стоял на подставке, но и она не помогала: из-за трибуны виднелась только мальчишеская макушка. Но голос звучал звонко:

– Мне четырнадцать лет, но я вместе со взрослыми выпускаю большие, крепкие сапоги!

И он под дружные аплодисменты всего зала поднял над головой новенький кирзовый сапог. По прошествии времени, когда в краткий отпуск в родной Новосибирск приедет трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин, многие газеты обойдет снимок, на котором запечатлены прославленный летчик и Коля Губайдулин, на груди которого тоже была заслуженная награда – медаль «За трудовую доблесть».

На этом съезде была передана в фонд обороны большая сумма денег, собранная на авиаэскадрилью «Молодой рабочий Сибири».

Надо сказать о том, что сбор денежных средств на строительство танков, самолетов, реактивных минометов и кораблей шел в городе постоянно. Им присваивали «говорящие имена» – «Новосибирский комсомолец», «Молодой сибиряк» и так далее – и торжественно передавали их в воинские части, над которыми затем брали шефство: писали письма, отправляли посылки, собирали теплые вещи. Это было настоящее единение армии и народа.

До дна пришлось испытать горькую чашу испытаний в годы военного ли-

холетия нашим многострадальным женщинам. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» И как тут не вспомнить продолжение классических строк, написанное уже в другие времена и другим поэтом: «А кони все скачут и скачут, а избы горят и горят...» Да, образно выражаясь, скакали кони и горели избы. Только в реальности, изо дня в день, все было проще и неимоверно тяжелее. Постоянный голод, холод, тревога за мужей и сыновей, воюющих на фронте, и непроходящая забота о маленьких детях, которых нужно было не только кормить, но и учить – все это превращалось в тяжкое испытание, вдвойне тяжкое еще и потому, что длилось оно, без перерывов, годами.

Примеров самоотверженности, иногда даже полной самоотреченности новосибирских женщин можно приводить множество. Вот лишь один из них, но сколько силы и мужества стоит за сухими газетными строчками, которые рассказывают об Антонине Макаровне Бобковой. На мужа ей пришла похоронка, на руках – двое детей. Сама она работала на заводе. И желая еще хоть чем-то помочь фронту, она становится донором. Регулярно сдает кровь, на пределе своих возможностей. Фронтвики писали ей письма, а медики иногда приезжали ночью и просили выручить – срочно нужна кровь...

К сожалению, мало сейчас сохранилось личных воспоминаний о том времени. И поэтому порою за обилием цифр и фактов, постановлений и резолюций теряются живые реаль-

ные люди. Каждый со своей судьбой, со своим характером и своим вкладом в Победу. Поэтому мне кажется вполне уместно привести здесь воспоминания новосибирского писателя Бориса Новосельцева о своей матери. Они многое помогают понять и почувствовать.

«Мы жили в соцгородке в брусчатых домах на шестом объекте (потом это стала улица Жданова, а ныне – Авиастроителей).

Через лог от нас – седьмой, восьмой и девятый объекты.

Все объекты, за исключением нашего, шестого, были зонами. Зэков называли «сибулонцами». А что это слово означало, мы не знали. И лишь позднее меня «просветили»: сибулонцы, оказывается, это производное от СИБУЛОН – сибирское управление лагерей особого назначения.

Вот так и жили в окружении зон. И сами мало чем отличались от тех, кто был за колючей проволокой – матери, изнуренные работой на заводе, мы, пацаны, голодные и неприкаянные.

Шла как-то мать с работы. Подходит к дому и видит такую картину: к нам в комнату через форточку (мы жили на первом этаже) лезет соседский пацан. Мать замедлила шаг, давая ему возможность проникнуть в комнату, чтобы потом «взять» с полочным. Но когда она подошла к окну и увидела сквозь занавески, чем он занимается, то у нее на глазах навернулись слезы: соседский мальчишка стоял у печки и с жадностью ел из чугуна овсяную кашу, недоеденную нами с братом.

Мать развернулась и пошла дальше от дома, чтобы не мешать «воришке». И только когда он вылез обратно через форточку, она вернулась. Об этом случае я узнал через много лет, а тогда мать не обмолвилась ни словом.

А однажды у нас в доме появился пленный немец. Их тогда много работало на станции Ельцовка (теперь Новосибирск-Восточный). Они выгружали из вагонов уголь, грузили на телеги возчикам.

Немцы были расконвоированными, и это давало им возможность отлучаться с места работы, заходить в наши дома. Но заходили они не с пустыми руками. В полах шинелей у них был уголь. Они выменивали его на хлеб и картошку. В комнаты их

никто не приглашал. Сделают обмен – и будь здоров. А мать возьми да пригласи такого вот "коробейника" в комнату. Усадила его у печки погреться, накормила картошкой в мундире. Немец был высоким, костистым, а из носа у него без конца капало, как из неисправного крана. Видимо, был хронический насморк. "Данке шен! Данке шен!" – говорил он, растроганный таким гостеприимством...

... До войны и после войны левобережье еще долго называли Кривошеково. В один из майских дней посадили мы там картошку. Пололи, окучивали. А в сентябре стали копать. Урожай оказался щедрым. Целых девять мешков! А машин в ту пору – раз, два и обчелся. На следующий день мать попросила у соседа тележку. И вот мы с ней, на своих двоих, из одного конца города да в другой. Через Обь – по понтонному мосту. Добрались до поля. Погрузили три мешка. Мать впряглась в тележку. "Господи, благослови!" – вздохнула тяжело – и мы тронулись в обратный путь. Я сзади толкал тележку. Пот ручьем, ноги трясутся. А мать тянет и тянет тележку без передыху – ведь нужно еще две ходки сделать. Было мне тогда восемь лет.

Вторая ходка оказалась еще тяжелей. Несколько раз отдыхали, пока доехали до дома. И все из-за меня: я уже не мог не то что толкать тележку, а даже просто идти рядом. Третья ходка, уже под вечер, оказалась для меня счастливой. Сил мне хватило только до понтонного моста. Дальше ноги не шли. Мать остановилась подошла ко мне, прижала к груди. "Работничек ты мой", – сказала она. Потом подхватила меня под мышки, усадила в тележку поверх мешков с картошкой – и повезла. И так – до самой "Трикотажки". Она везет, а я сижу. На "Трикотажке", отдохнув, я спрыгнул с тележки и снова стал помогать матери. Домой приехали поздно. Утром проснулся – ни рук, ни ног не чувствую. Хотел даже не пойти в школу, да совесть не позволила: мать чуть свет ушла на работу.

Мать никогда не плакала и не любила слезливых. Илишь когда слышала по радио песню "Вставай, страна огромная..." по ее щекам сами собой катились слезы.

Какая духовная сила видится во всем этом облике простой новосибирской женщины!

В своих воспоминаниях Борис

Новосельцев мимоходом упоминает о Сибирском управлении лагерей особого назначения. В свое время упоминать об этом было не принято, но правда такова, что практически на всех объектах, на самых тяжелых работах использовался труд заключенных. И часто можно было наблюдать картину, которая для многих новосибирцев тех военных лет была обыденной: по одной стороне в утренние часы, перед началом смены, идут рабочие завода, а по другой стороне, под лай собак и громкие окрики конвоя движутся заключенные. Их доля была по-особенному тяжелой. Особенно если учесть, что многие из них отбывали срок по печально известной 58-й статье (антисоветская пропаганда). Но в создавшихся условиях верх брал здравый смысл. И по инициативе того же Михаила Васильевича Кулагина Новосибирский обком ВКП (б) принимает решение: специалистов, осужденных по 58-й статье, привлечь к работе по специальности, пересмотрев условия их содержания под стражей. Это был поступок. Еще неизвестно, как его могли истолковать вышестоящие органы. Но так поступать диктовали суровые условия войны. И в этих ус-

Вести с фронта

Сбор средств на постройку самолета в колхозе «Политотделец», 1943 г.

ловиях такие люди, как М.В. Кулагин, брали на себя всю ответственность, потому что главным для них было конкретное дело, за которое отвечали они не только по должности, но и по совести.

Новосибирский писатель Юрий Михайлович Магалиф написал в свое время замечательное стихотворение – «В марте сорок второго...» Вот оно, дословно:

*В марте сорок второго
Мы строили аэродром.
Вот была работенка!
Общественная притом!
В будние дни вечером,
По воскресеньям – с утра,
Костры разводили.
Не помню –
Грелся ли кто у костра?..
За пазухой отогревали
Хлеб, от мороза твердый,
И в «четезе» щеголяли –
В онучах из серого корда.
Мы делали планировку,
Возили в тачках бетон.
А ветры, как псы, кидались
Со всех четырех сторон...
И секретарь обкома
Михаил Василич Кулагин
Кричал:
«Молодцы, ленинградцы,
Товарищи-работяги!..
А работяги-то – школьники,
Философы, математики,
Актеры да живописцы
И даже кормящие матери...
Сине-багровые лица.
Простуженные голоса.
Но с каждым днем удлинялась
Взлетная полоса.*

*...А по утрам над заводом
Небо дрожало от грома
Моторов.
И самолеты
Жаждали аэродромов.
Рядом – железнодорожный
Великий бессонный путь.
Теплушки – на запад, на запад –
В бой, не куда-нибудь!
А солнце все выше и выше.
И вот уже – вот она! –
Первая новосибирская
Военная наша весна.*

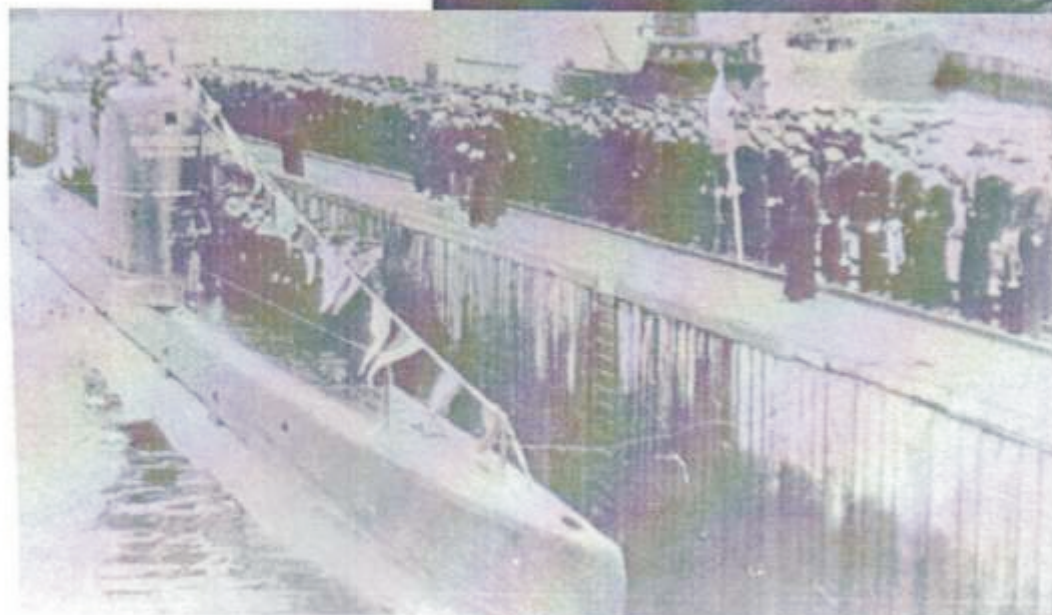
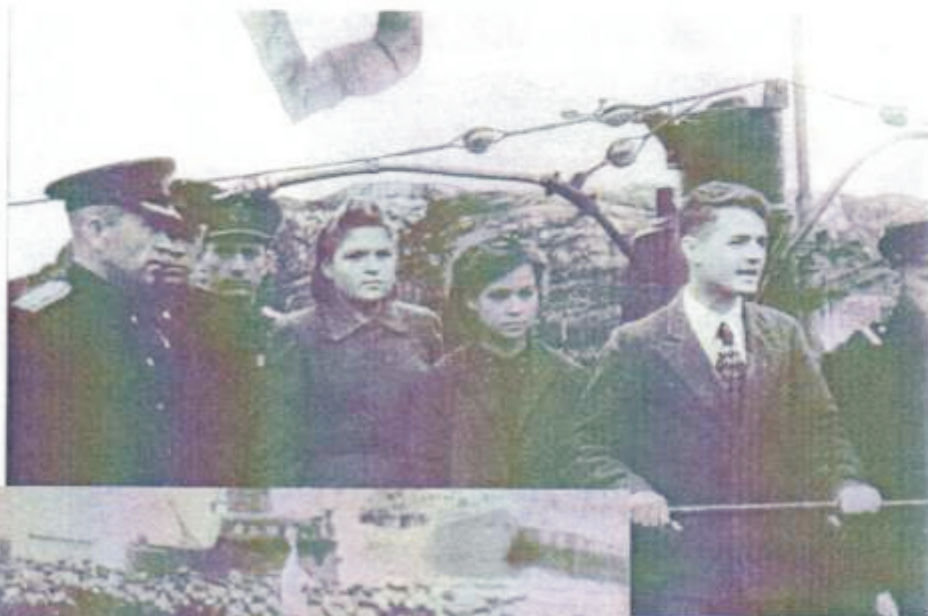
*Лопаты давно проржавели,
Тачки давно сожжены,
И «четезе» из корда
Давно позабыться должны.
А ничего не забылось!
Я вечно на поле твоём,
Старенький испытательный
Маленький аэродром,
Знаю, как там бывает
В мартовский гололед!
...Земля моя дорогая –
Первый далекий взлет!*

Что и говорить – сильное стихотворение. Да только не вся правда в нем. Полная правда в том, что сам Юрий Михайлович, коренной ле-

нинградец, отбывал срок все по той же печально памятной 58-й статье. И в одном из разговоров с автором этих строк он рассказывал, что, действительно, был такой случай, когда к ээкам, строившим аэродром на авиационном заводе, приехал М.В. Кулагин, выступал перед ними и просил – да, да, просил! – чтобы они постарались и ввели в строй аэродром как можно быстрее. А на подмогу им в выходные дни, действительно, присылали и школьников, и даже кормящих матерей. И ведь сделали ээки свою работу, раньше срока! С испытательного аэродрома начали взлетать истребители.

Я все пытаюсь представить себе эту картину... На пронзительном ветру, срывая голос, секретарь обкома выступает перед ээками, осужденными за «антисоветчину»... И через много лет один из них, вспоминая об этом, смущенно прячет глаза, в которых блещат слезы...

Вот уж воистину – наша родная отечественная история одноцветных красок не приемлет.

Делегация трудящихся Новосибирской области передает морякам Северного флота подводную лодку «Новосибирский комсомолец». 1943 г.

Из архивов военных
корреспондентов

Глава 4

Сибирская поступь

К лету сорок второго года на фронтах Великой Отечественной вновь, как и осенью сорок первого, сложилось тяжелейшее, критическое положение. Без всякого преувеличения можно сказать, что судьба войны, да и всего Советского Союза висела на волоске, на грани полного поражения.

Именно в это тяжелейшее время и именно в Новосибирске принимается решение о создании сибирских добровольческих соединений. В конце июня оно было утверждено на специальном заседании обкома ВКП (б) и Военного Совета Сибирского военного округа, а третьего июля поддержано Государственным комитетом обороны. Этот день с полным правом можно считать днем рождения 150-й стрелковой дивизии, которая уже весной следующего года будет именоваться 22-й гвардейской.

За пять дней, как только было объявлено о формировании добровольческой дивизии, поступило 12 741 заявление, а всего их было подано более сорока тысяч. Этого количества хватило бы на три дивизии. В августе формирование сибирской добровольческой было закончено. Но ее не только сформировали. Обмундирование, вооружение, техника – все предоставили новосибирцы своим добровольцам. Дивизия уходила на фронт полностью укомплектованной всем необходимым.

Уходили бойцы, двигаясь к вокзалу, по Красному проспекту. Это было грозное, торжественное и в какой-то мере трагическое шествие, ведь все: и те, кто уходил, и те, кто стоял, прощаясь, на тротуарах – все они прекрасно осознавали, что многим не суждено будет вернуться в родной город и что многие идут по Красному проспекту в последний раз.

В ноябре сорок второго года сибирская добровольческая дивизия приняла боевое крещение, с весны сорок третьего, как уже говорилось, она будет именоваться гвардейской и к концу войны пройдет с боями 2700 километров. Земляки из родного Новосибирска писали гвардейцам: «Пройдут годы, умолкнет грохот пушек, страна залечит свои раны, на-

несенные врагом, но подвиги ваши никогда не будут забыты. Народ сложит песни о вас. Так стойте и дальше, как вестники освобождения и справедливой возмездия».

Пять раз салютовала Москва 22-й гвардейской дивизии.

Ровно через год после отправки на фронт сибирской добровольческой новосибирцы формируют еще один отряд добровольцев, в числе которых были и восемнадцать бойцов, которым суждено было остаться в одной из самых трагических песен о Великой Отечественной войне:

*Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те
У незнакомого поселка
На Безымянной высоте...*

Высота 224,1...

В сентябре 1943 года, во время Смоленско-Рославльской наступательной операции, 139-я стрелковая дивизия, в которую прибыли добровольцы-новосибирцы, вела тяжелейшие затяжные бои. Немцы отчаянно оборонялись. И тогда родился план захватить во вражеском тылу господствующую высоту, чтобы облегчить общее наступление дивизии. Операцию решили провести глубокой ночью, с 13 на 14 сентября.

В темноте, после отвлекающего огневого налета нашей артиллерии, группа смельчаков во главе с младшим лейтенантом Е.И. Порошиным пошла в тыл противника. Было их вместе с командиром восемнадцать: старшие сержанты Д.А. Денисов и Р.Е. Закомолдин, сержанты Н.Ф. Даниленко, Б.Д. Кигель и К.Н. Власов, рядовые Н.И. Куликов, Г.А. Воробьев, Э.А. Липовицер, Д.А. Шляхов, Т.Н. Касабиев, П.А. Романов, Д.И. Яруев, П.Н. Панин, Н.И. Галенкин, А.А. Артамонов, Г.И. Лапин и парторг взвода Е.И. Белоконов.

Но задуманная операция пошла не по намеченному плану. Наши бойцы были обнаружены немцами на подходе к высоте. Завязался бой. Он шел на Безымянной высоте всю ночь. Фашисты бросили против сибиря-

ков две роты пехоты, оставили на склонах высоты более сотни убитых и раненых. И только когда у наших смельчаков полностью закончились боеприпасы, когда в живых осталось лишь семь человек, которые все были тяжело ранены и истекали кровью, фашисты смогли подняться на высоту. Они зверски растерзали тех, кто еще подавал признаки жизни. И лишь двоим посчастливилось уцелеть – сержанту Константину Николаевичу Власову и рядовому Герасиму Ильичу Лапину. Первый из них раненым попал в плен, бежал и воевал в партизанах. Второй был отброшен взрывной волной в кусты, где находился без сознания до подхода наших войск, затем снова встал в строй и продолжал воевать. После войны Герасим Ильич жил в Донецке, а Константин Николаевич вернулся в родной Новосибирск и долгое время работал на металлургическом заводе.

Именно о них, добровольцах-новосибирцах, и рассказывается в знаменитой песне поэта Михаила Матусовского и композитора Вениамина Баснера.

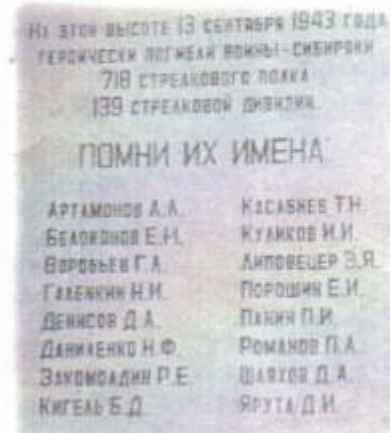
*Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте
У незнакомого поселка
На безымянной высоте...*

А война продолжалась.

И до Победы было еще далеко.

Новосибирцы всегда поддерживали тесную связь с земляками, воевавшими на фронте. Писали им письма, слали посылки, следили по радио и по газетам за их подвигами.

И, конечно, особо радовались боевым подвигам Александра Ивановича Покрышкина, который стал для тысяч новосибирцев не просто Героем, а символом Победы, которая рано или поздно, но обязательно будет!

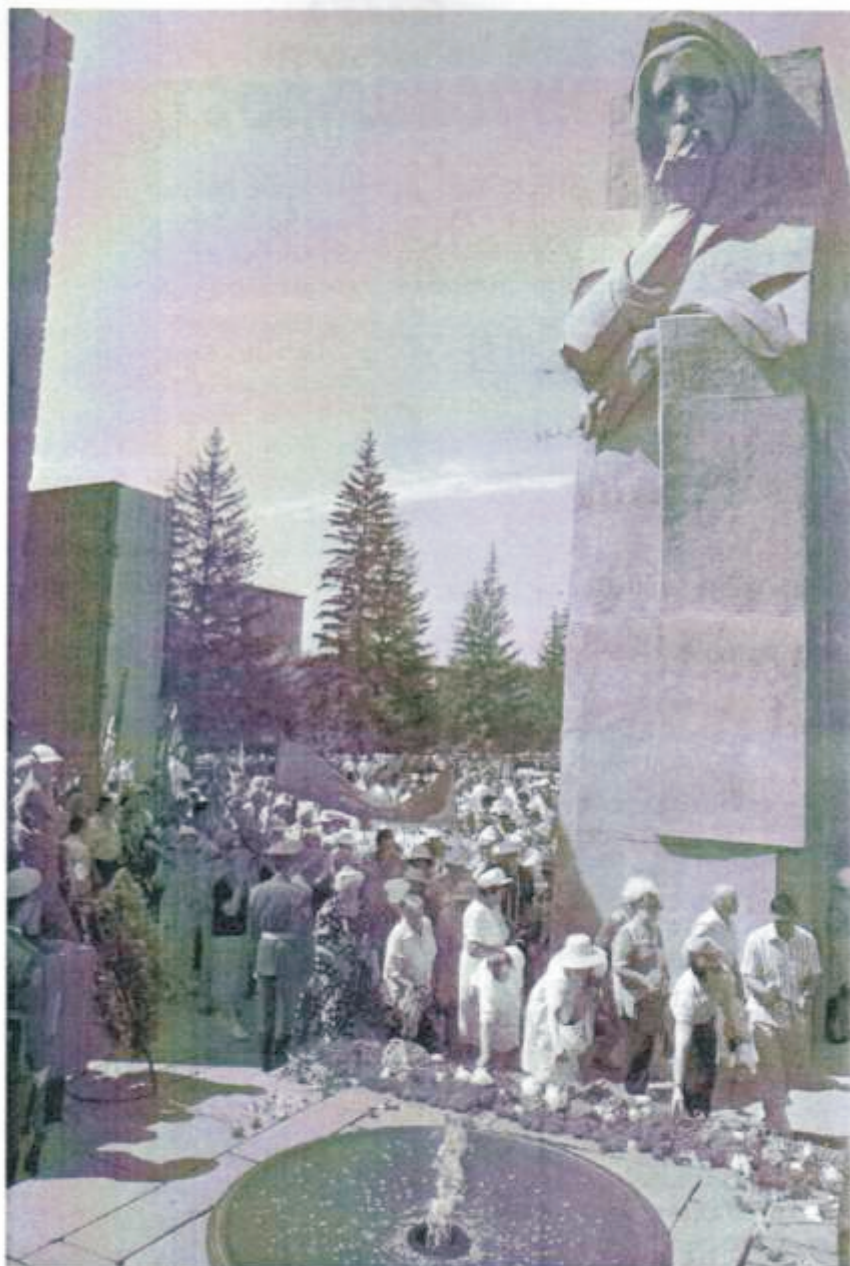

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестокмо налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
и ни дна, ни покрывки...

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Александр Твардовский
(1945 год)

В Сибири не было войны,
Но бесконечны павших списки.
В Сибири не было войны,
Но в каждом парке обелиски.

Иван Краснов

Молитва павшим за Отечество

*О, всеблаженнии и Богомудрые
угодники Божии, подвиги своими
землю Русскую освятившии и
телеса своя, яко семя веры, в ней
оставльшии, душами же своими
Престолу Божию предстоящи и
непрестанно о ней молящиеся.*

*Се ныне, в день общего нашего
торжества, мы, грешнии,
меньшии братия ваши, дерзаем
приносить вам сие
хвалебное пение.*

*Величаем ваша великия подвиги,
духовнии воины Христови,
терпением и мужеством до конца
врага низложившим.*

*Укрепите нас в мужественном
стоянии даже до крови за веру
православную и обычаи отеческия.*

*Светите Отечеству вашему
всегда, якоже звезды светлыя,
покрываете бо присно сие от
пагубы врагов и избавляете
озлобления и бури всякия. Тем же
радостно празднует ежелетнюю
память, блаженнии, совершающе,
верою и любовью поюще Господа,
вас прославльшаго.*

*Ублажаем вас, воины русские,
и с теплою любовью чтим вашу
светлую память.*

Аминь.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь откроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний
меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, и все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло!..

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили, как люди —
И для людей.

Георгий Суворов (1943 год)

В 1944 году новосибирец
Георгий Суворов погиб на фронте.

Глава 5

Народный герой

Люди старшего поколения помнят этот неповторимый голос советского диктора Юрия Левитана, который с полным правом можно назвать голосом Великой Отечественной войны.

В один из августовских дней 1944 года Юрий Левитан объявил всей стране:

«Указ Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Героя Советского Союза гвардии полковника Покрышкина Александра Ивановича третьей медалью "Золотая Звезда"

За образцовое выполнение боевых заданий Командования и геройские подвиги на фронте борьбы с немецкими захватчиками, дающие право на получение звания Героя Советского Союза, наградить Героя Советского Союза гвардии полковника Покрышкина Александра Ивановича третьей медалью "Золотая Звезда" и в ознаменование его геройских подвигов соорудить бронзовый бюст с изображением награжденного и соответствующей надписью, установить на постаменте в виде колонны в Москве при Дворце Советов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. Калинин

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва. Кремль.

19 августа 1944 г.»

Наш земляк Александр Покрышкин стал первым трижды Героем во время войны. Прославленный летчик Иван Никитович Кожедуб и даже сам Георгий Константинович Жуков получили это высокое звание уже после Победы.

На черно-белых кадрах кинохроники того времени запечатлена сцена вручения третьей Звезды Героя А.И. Покрышкину в Кремле. Все происходит строго торжественно и вдруг кинокамера выхватывает, уже после награждения, крупным пла-

ном Александра Ивановича: обернувшись к кому-то, он смущенно улыбается, застегивая гимнастерку, к которой только была прикреплена третья Звезда. И столько в этой улыбке душевной открытости, столько доброты и внутренней силы, и при всем при этом, стеснительности, что открывается, без слов, вся духовная красота и чистота этого человека, настоящего народного Героя, каким он и был по своей сути.

История России еще с давних-давних времен наглядно убеждает: в годину тяжких испытаний герои выходят из самой народной гущи, словно сама нация, своя родная почва, сопротивляясь врагу, выдвигает вчера еще никому не известных людей, чтобы выстоять в кровавом противостоянии. Именно такими героями были Ослябя и Пересвет на Куликовом поле, Денис Давыдов в Отечественной войне 1812 года, атаман Платов и генерал Брусилов... Из этой когорты русских героев, беззаветных защитников своей Родины, и Александр Иванович Покрышкин. Наш самый прославленный земляк, новосибирец.

Известие о присвоении Александру Покрышкину третьей Звезды Героя родной Новосибирск встретил всенародным ликованием. Люди стояли у репродукторов, слушали голос Левитана и несказанно радовались:

«Наш! Покрышкин! Трижды Герой! Первый в стране!»

Секретарь Новосибирского обкома партии Михаил Васильевич Кулагин, незаурядный и умный человек, наверное, сердцем почувствовал, сколь необходим Покрышкин именно в это время в родном городе: сколь нужен он подросткам, стоящим на деревянных ящиках у станков, сколь нужен он старикам и нашим многострадальным женщинам с исплуканными глазами, сколь нужен он всем – как символ близкой уже Победы.

И Кулагин обращается к командованию Военно-Воздушных Сил с просьбой: «Отпустите Героя, хотя бы на несколько дней, в Новосибирск».

К этой просьбе отнеслись с пониманием.

И вот на специальном самолете, в непривычном качестве пассажира,

Александр Иванович летит домой, в родной город.

Журналист Юрий Жуков, летевший в том же самолете и видевший, как вел себя Александр Иванович на подлете к Новосибирску, оставил нам следующее свидетельство: «Полковник заволновался, как школьник. Он прижался к стеклу, снял фуражку и пристально стал всматриваться в контуры огромного сибирского города. Тучи, надоедливо тащившиеся над землей от самого Урала, раздались, мелькнула синева, золото солнечных лучей пролилось на мокрые проспекты...»

Встреча Александра Ивановича Покрышкина на родной земле вылилась во всенародное ликование. Пожалуй, никогда и никого за свою более чем столетнюю историю не встречал наш город с такой любовью. Чтобы читатель убедился в этом, приведем публикацию из газеты «Советская Сибирь» от 29 сентября 1944 года, приведем дословно, потому что она очень точно передает атмосферу тех дней:

«Заслоняя рукой глаза, люди с тревогой смотрели на небо. В серой пелене облаков они искали синий просвет.

Стояли рядом токарь завода им. Чкалова, слесарь «Сибметаллстроя», швея, инженер, летчик. Все всматривались в небо, все ждали. И улыбка радости стирала усталость дня.

Алеют знамена, полученные за самоотверженный труд. В огрубевших от работы руках девушек – цветы.

Вдруг по рядам демонстрантов проходит волнение. На аэродром приехала семья Героя. Вот идет маленькая пожилая женщина. Долгие годы забот и волнений острыми морщинками легли на ее лицо. Это его мать.

Рядом с Аксиной Степановной – жена летчика, его боевая подруга Мария Кузьминична, сестра Мария Ивановна. Вместе со всеми новосибирцами они ждут дорогого гостя.

Со стороны города вырывается звено истребителей и с ревом проносится над аэродромом.

– Идет, идет! – показывая на небо, кричат люди.

Словно огромная птица, распластавшись в неожиданно просветлевшем небе, в сопровождении почетного караула, шел самолет.

Все ниже, ниже...

Все бросились к приземлившейся

машине. Необыкновенное волнение охватило людей. Каждый старался ближе подойти к дорогому гостю.

Семь лет не был Александр Покрышкин в родном городе. За эти годы он стал народным Героем. Но для старой матери он по-прежнему остался Сашей, сыном.

Быстрым шагом идет летчик навстречу ожидающим.

– Родные, – говорит он, горячо обнимая мать, жену, сестру.

И чувствуется, как у этого сильного человека дрожит голос.

Десятки рук протягиваются к летчику, он пожимает их. Совсем незнакомые люди целуют Александра Покрышкина, как самого родного человека. Наперебой отовсюду несутся приветствия.

Окруженный народом, Герой Советского Союза идет к импровизированной трибуне. Здесь же, на аэродроме, открывается стихийный митинг.

– От имени трудящихся нашего города, от имени земляков прими, дорогой Александр Иванович, горячий, искренний привет, – говорит председатель горисполкома тов. Хайновский. – Для нас с вами, товарищи, сегодня знаменательный день. Отметим же его достойно. Вставайте на фронтовые вахты в честь дорогого гостя, трижды Героя Советского Союза Александра Ивановича Покрышкина.

Когда-то Александр Иванович работал на «Сибметаллстрое». И вот от имени старых товарищей с приветственным словом выступает начальник цеха тов. Бовтручук:

– Десять лет назад ушел от нас Александр Покрышкин, чтобы овладеть летным искусством, а когда потребует Родина – встать на защиту ее священной земли. В боях с врагами Александр показал беспримерное мужество и отвагу. От имени трудящихся «Сибметаллстроя» прими мое приветствие, дорогой товарищ.

От имени Военно-Воздушных Сил Сибирского военного округа поздравил Героя с приездом на родину генерал-лейтенант Шелухин.

С глубоким волнением начал ответное слово Александр Иванович Покрышкин.

– Товарищи! Дорогие земляки! От всего сердца благодарю вас за горячую встречу. Благодарю вас за боевые самолеты, купленные на ваши сбережения и переданные мне. Бо-

евые дела сибиряков-фронтовиков известны всей стране. Но и вы в тылу умеете работать на дело Победы. Слава великому советскому народу! Слава нашему великому Сталину!

Гремит Гимн Советского Союза, гимн воли, мужества, славы.

Митинг заканчивается вступлением секретаря обкома ВКП (б) тов. Кулагина.

От имени большевиков и всех трудящихся области он приветствует дорогого земляка, верного сына Сибири и призывает собравшихся новыми трудовыми подвигами, фронтовыми вахтами отметить этот знаменательный день.

Митинг закончен. Забрасываемый цветами, спускается с трибуны трижды Герой Советского Союза. Вот он уже в машине. Но десятки людей протягивают к нему руки с цветами.

С трудом продвигается автомобиль по улицам города. Тысячи земляков приветствуют дорогого гостя.

На высоком тротуаре – толпа детей.

– Я тоже когда-то был пионером, – глядя через открытое стекло автомобиля, говорит Александр Иванович. – Здесь, в Новосибирске, был пионером.

Все больше и больше людей заполняют улицы. На минуту шофер останавливает машину. Со всех сторон сыплются цветы, несутся слова приветствий.

Трудно передать словами всю силу народной любви к славным сынам Родины, любимым героям.

...Машина свернула на улицу Деряжина. Здесь живут мать и жена Героя. И тихую улицу нельзя узнать: тысячи людей заполнили ее, окружили дом Аксины Степановны.

На минуту летчик заходит в дом, но нарастающий гул голосов возвращает его на крыльцо. Он только успел сбросить кожаную тужурку. На зеленой гимнастерке летчика вспыхивают три Золотые Звезды.

– Товарищи! – начинает говорить Покрышкин. Но его голоса почти не слышно. Снова крики «ура», снова приветствия. Кто-то старается пожать руку герою.

Большинство этих людей впервые видят Александра Ивановича. Но благородные дела, бессмертные подвиги сроднили полковника Покрышкина со всем советским народом...»

Все, гвардеец, в бою изведай,
Холод, голод, смертельный риск —
И героем вернись с победой
В славный город Новосибирск.

Борис Богатков (1942 год)

Глава 6

Милость сердца

Город продолжал жить по законам военного времени.

С запада теперь уже не прибывали эшелоны с оборудованием и людьми эвакуированных заводов, но продолжали идти и идти санитарные поезда. Их курсировало между фронтом и Сибирью более восьмидесяти. Только в Новосибирске находилось пятьдесят пять военных госпиталей, в которых удалось вылечить и поставить на ноги более двухсот тысяч раненых солдат и офицеров. Все они, как правило, были тяжелоранеными. И это тоже весомый вклад нашего города в общую Победу.

Для госпиталей отводились лучшие здания, в первую очередь, школы, потому что именно они больше всего подходили по своему расположению для палат, операционных и столовых. Госпитальный быт, где человек еще находится на зыбкой грани между жизнью и смертью, – это особый быт. Здесь, как никогда, востребовано старинное русское слово – милосердие, то есть – милость сердца.

И новосибирцы щедро делились

с ранеными фронтовиками милостью своих щедрых сердец. Конечно, много зависело от искусства врачей, от медицины, но многое зависело и от душевного участия. Все госпитали были охвачены шефской помощью. В гости к раненым приходили студенты и школьники, комсомольцы с заводов и предприятий, выступали самодеятельные и профессиональные артисты, и все это, вместе взятое, позволяло раненым не замыкаться в своей боли и в своем горе, если ты стал инвалидом.

Нинель Малиновская, которая пятнадцатилетней девочкой работала санитаркой в одном из новосибирских госпиталей, вспоминала:

«Эшелоны приходили обычно ночью. Ставили их на запасном пути. Работа шла споро: раненых распределяли, в зависимости от ранения, еще в поезде, передавали вместе с документами по спискам, развозили по госпиталю. Мы, младшие санитарки, работали в приемном покое, где раненых стригли, мыли, переде-

вали в госпитальное белье. После врачебного осмотра, необходимой перевязки раненых размещали по палатам.

Самой физически тяжелой была работа в прачечной, где стоял терпкий запах грязного белья, соды и хлорки. Или когда останавливался лифт. Мы хватались вчетвером за носилки и тащили раненого на следующий этаж. Это было серьезное испытание: тяжелораненые, потеряв от боли контроль над собой, нещадно матерились, мы мучились от сострадания и стыда, но несли...

Днем все были включены в лечебный госпитальный ритм, хорошились, бодрились. Но ночью, после вечернего обхода, отбоя, «последней сигарки», в палату бесшумно входила другая жизнь – с бредовыми снами, кошмарами, взрывами, от которых просыпались в ужасе, в холодном поту, со стонами и матом.

Именно поэтому «старика», как дети, просили:

– Ну, пожалуйста, милая, посиди с нами! Расскажи что-нибудь или почитай.

Смешно вспоминать, как в десятый, двадцатый раз я в темноте госпитальной палаты, среди восемнадцати лежащих, замерших в своих болях мужчин, присев на тумбочку,

Курсы медсестер, 1941 г.

негромко наизусть читала им "Арина – мать солдатская", "Мужичок с ноготок" или "Крестьянские дети". Если спотыкалась, забыв слово, кто-то тут же подсказывал...

В палатах пахло тревогой, усталостью, плохо сдерживаемой болью. И если скажут, что такого запаха нет, не верьте. Он есть. Совсем особенный. Это кисловатый запах потного тела, натруженных ног, запах кожи, пропитанной порохом, жженым металлом, махоркой, запах крови, гнойных ран. И надо всем этим – изычно-легкомысленный запах "Шипра", наимоднейшего мужского одеколона военных лет, которым госпитальные цирюльники щедро орошали стриженные головы и плохо выбритые щеки своих пациентов.

Очень жалею, что не вела дневниковых записей. Сколько судеб прошло через мою жизнь! Какие откровения доверяли мне раненые солдаты, особенно те, которые не надеялись "выкарабкаться".

Да, выздороветь, встать на ноги было суждено не всем. Для многих, кто не смог «выкарабкаться», новосибирская земля на Заельцовском кладбище стала последним приютом.

Через много лет после Победы новосибирский поэт Иван Краснов, сам фронтовик, напишет вот эти строки:

*В Сибири не было войны,
Но в каждом парке обелиски.
В Сибири не было войны,
Но бесконечны павших списки...*

Действительно, войны в Новосибирске не было. Но она напоминала о себе и ощущалась все эти годы. Вся жизнь была пропитана ею.

Кроме заводов и предприятий, работавших на оборону, кроме воинских соединений, которые формировались и отправлялись на фронт, были еще сотни самых разных школ, учреждений, организаций, которые также являлись необходимыми составляющими огромной войны. Сегодня уже мало кто вспомнит, что на месте нынешнего ЦУМа, в костеле, который здесь стоял, располагался пищеблок, а в школах №№ 11, 25 и 29 учебные классы ВШРС – военной школы радиоспециалистов. Эвакуированная из Воронежа и прибывшая в Новосибирск, школа уже через два (!) дня приступила к занятиям – фрон-

ту нужны были специалисты связи.

В Бердске располагалось Сталинградское военное училище летчиков. В Новосибирске – военное пехотное училище.

А в здании пожарной части на улице Советской день и ночь, не смыкая глаз, трудился личный состав ВПСР-24. Что означает эта аббревиатура? Теперь уже мало кто вспомнит: военно-почтовый сортировочный пункт. Сколько песен, стихов, сколько солдатских воспоминаний связано с фронтовыми письмами и с письмами на фронт! Как ждал солдат на передовой заветный треугольник, потому что именно письма доносили до него новости из родных мест, приветы близких людей, признания в любви от любимых. Читая немудреные строки, солдат слышал голоса матери, жены, своих детей, он как бы «выпадал» из грозного течения войны и хотя бы на короткие мгновения навещал дом, где его ждали и будут ждать, несмотря ни на что, даже на черную похоронку, потому что в любящем сердце всегда остается надежда – а вдруг...

И все эти человеческие чувства, надежды, тревоги, горести и радости проходили через руки молоденьких девушек, которые и были личным составом ВПСР-24. Смены, долгая вахта у сортировочных столов с ящиками, по которым раскладывались письма, длились по 12–14 часов. А если учесть, что войска постоянно передвигались, меняя дислокацию, номера полевой почты изменялись, то нетрудно представить, что это была мучительная, изнуряющая работа. Но девушки с ней справлялись. И точно в назначенное время мешки с письмами отправлялись на машине с улицы Советской на железнодорожный вокзал, для погрузки в почтовые вагоны. Если машины не было, девушки взваливали мешки на плечи и тащили их до вокзала, что называется, своим ходом.

В Приказе командующего войсками СибВО, в котором отличившимся девушкам объявлялась благодарность, говорилось: «Личный состав ВПСР-24 в 1943 году проделал большую работу по обработке и отправке на фронт до ста миллионов писем при высоком качестве обработки и в установленные сроки». Только вдумайтесь: СТО МИЛЛИОНОВ в год!

Мне почему-то кажется, что на тех письмах сохранялся незримо след

нежных девичьих ладоней. И сохраняется до сих пор. Потому что военные письма – это великие документы истории.

Вот лишь несколько из них...

«Дорогая мама! Не так давно я попал под сильную бомбежку. Бомба взорвалась метрах в сорока от меня. Разрушило дом, около которого я был всего несколько минут назад. Меня же подбросило и крепко оглушило, да еще лбом пробороздил огород... Были жаркие бои. Попал в госпиталь. Я очень изменился. В поезде меня считали пожилым человеком, а медсестра в госпитале дала мне больше 30 лет. А мне через четыре дня исполнится 21 год». (Из письма новосибирца Ю.К. Третьякова).

«25 сентября 1942 г.

Здравствуй, милая Марочка! Сегодня у меня настоящий праздник: получил от тебя сразу два письма, одно из Новосибирска и одно из Дупленки... Получил письмо от всех моих милых и родных. Сегодня исполняется год, как я от вас уехал... Ах, посмотрел бы я теперь на вас, да поцеловал, да прижал бы к своей груди... Придет же наконец тот час, когда мы снова будем вместе...» (Из письма новосибирца И.И. Полякова).

«2 октября 1944 года.

Война есть война. Может случиться, что меня не будет. Я не раз смотрел смерти в глаза, и счастье мое, что "подлая смерть отступила". Но война, к сожалению, продолжается, и я не знаю, что ждет меня завтра...

Лева и Лена! У вас есть мама, редкая, талантливая русская женщина, которую вы – я знаю – любите. Любите и уважайте свою маму, которая умеет быть и еще будет для вас верным помощником и чутким неизменным другом. Помните, что именно за эти качества я полюбил ее и никогда не перестану любить...

Лева и Лена! У вас есть город, в котором вы родились и жили, в городе есть дом и школа, в которых вы жили и учились. Помните, что эта школа – ваша родная школа, этот город – ваш родной город, процветанию которых нужно способствовать, о благе которых нужно неустанно заботиться...

У вас есть родные русские отец и мать, у вас есть родной советский народ. Помните, что это входит в священное понятие Родины, процвета-

нию которой вы должны содействовать всеми силами, о благе которой беспокоиться всю жизнь...

Вот все то, что я простой русский солдат, на всякий случай, хотел и успел сказать вам, своим детям...» (Из письма новосибирца Н.Н. Яновского).

«Дорогой Паша!

Десять прошедших дней был в боях, таких боях, что до сих пор удивляюсь, как я еще способен тебе писать это письмо. Из тех, кто был в начале боя рядом со мной, остались очень немногие невредимыми...

Может быть, когда-нибудь мы с тобой встретимся. У меня, конечно, многое будет чего рассказать. Даже не язык, а мои седые волосы могут

рассказать о времени, когда каждую минуту я прощался с жизнью, слушая вокруг свист, вой, грохот, лязганье многоголосой смерти. Сейчас мы немного отдыхаем. Тех моих друзей, с которыми я провоевал почти два года, со мной нет. Со многими из них расставался со слезами. Хорошей оценкой моей службы были слезы на глазах моих солдат, когда я прощался с ними.

Мою верную Волгу (моя боевая лошадь) ранили в бою, и у меня не хватило решительности ее пристрелить самому. Она мне была хорошая верная спутница почти два года. Не знаю, что ждет нас впереди...

Привет всем. Пиши. Твой Коля». (Из письма новосибирца Николая Новикова).

Война, так неожиданно и горько притянувшая к себе далекий мирный город, связавшая его тысячами нитей с передовой, не в силах была вытравить из людей извечное жизнелюбие и веру в лучшее. Невероятным напряжением сил наши солдаты «разворачивали» войну назад, туда, откуда она пришла, и верили, свято верили, что воюют они за правое дело и что Победа будет за нами. Поэтому и писали солдаты в своих письмах о том, какой красивой и счастливой будет жизнь после войны.

Обязательно будет – жизнь после войны, после Победы!

Если будет суждено дожить...

Из архивов военных корреспондентов

Глава 7

А еще надо было просто жить...

Уже в 1942 году Новосибирск только за одни сутки производил в среднем 33 тысячи артиллерийских и ракетных снарядов, двадцать истребителей, 125–130 радиостанций и еще много иной военной продукции. Только за одни сутки город шил столько комплектов летнего обмундирования, что его хватало на два полка, шинелей – на полтора батальона, валенок – почти на батальон.

Еще раз повторимся – только за одни сутки.

И вот еще одна цифра. К концу войны женщины и подростки от тринадцати до семнадцати лет составляли на оборонных предприятиях почти восемьдесят процентов от числа работающих.

Сопоставьте эти цифры, и станет понятным – чьими руками выковывалась Победа здесь, в далеком от фронта Новосибирске.

Но они, женщины и подростки, должны были не только работать, они должны были еще и жить. Просто жить – питаться, одеваться, где-то спать...

Быт военных лет. За громоздкими перечислениями трудовых и, действительно, героических свершений новосибирцев в военную пору, теряется иногда эта не менее горькая страница войны.

По воспоминаниям Сальмы Андреевны Торф, которая в годы войны была комсоргом на авиационном заводе, главными испытаниями были два изматывающих чувства: чувство голода и холода. Особенно в страшную зиму 1941–42 года. Скучный хлебный паек, баланда из кислой капусты и дрожь тела, скованного холодом. Спасаясь от холода, спали, как правило, не снимая верхней одежды. А просыпаясь в бараках и землянках, иногда с ужасом обнаруживали, что волосы примерзли к стене.

А вот свидетельство ветерана завода «Сибсельмаш» Д.И. Симоненко:

«Антипов тяжело дышал. Лицо побледнело, глаза закатились.

– Что с ним? – тревожно спросил мастер.

– Семь дней назад потерял кар-

точки. И так кормежка никудышная, а он хотел на одном приварке дотянуть. Обессилел, потерял сознание, – тоскливо промолвила старушка-контролер и заплакала.

– Что же ты молчала? – рассердился мастер и обратился к толпе: – Товарищи! Давайте поможем Антипову. Если каждый из нас хотя бы по одной крошке отдаст, и то грамм восемьсот наберется. Я предлагаю собирать крошки ежедневно, до получения хлебных карточек.

– Это же целых две недели! – выкрикнул кто-то.

Пришла врач, осмотрела Антипова, развела руками:

– Полное истощение. Положим в больницу, но хлеба и у нас нет».

Таких сцен и таких трагедий было великое множество. Потерять хлебную карточку, которая выдавалась на месяц, это значило обречь себя на голод. Карточки могли и своровать, вытащить из кармана, разрезав одежду бритвочкой или остро заточенной копейкой – человеческая подлость во все времена ходит рядом с человеческой доблестью.

В том же научном труде «Оборонная промышленность Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны», о котором уже говорилось выше, впервые опубликованы документы, которые и сейчас, по прошествии многих лет, невозможно читать без душевного содрогания. Вот лишь несколько цитат «Из справки инструктора отдела промышленности боеприпасов П.Н. Горлова о некоторых недостатках на комбинате № 179», помеченной 1944 годом.

«...Основное большинство работающих размещено в общежитиях. В общежитиях грязно, много клопов, есть случаи завшивленности, часто не бывает света. В течение зимы многие общежития очень плохо отапливались. В течение марта, апреля и мая месяца кипятком рабочих почти не обеспечивали... Постельных принадлежностей у многих нет, а имеющиеся – безобразно грязные. Прачечные не работают из-за отсут-

ствия мыла. Дрова для приготовления пищи не подвозятся. Для того чтобы избавиться от клопов, рабочие вынуждены спать где попало – в коридорах, на лестницах и в других местах».

«Рабочие цеха № 40 Яфаев, Маньков, Шимановский работают босые, нет ни обуви, ни одежды... Работница цеха № 20 т. Смирнова раздета и разута, не выходит в течение 4 месяцев из цеха. Начальник цеха решил ей "помочь" и вместо того, чтобы одеть ее и обувь, решил отправить совершенно голую в отдел найма. Рабочие цеха № 17 Бурулиева, Жадушкина, Шумилова, Аржанова (все эвакуированные) ни обуви, ни одежды не имеют».

«Рабочие часто по разным причинам остаются без карточек (потери, воровство и другие), после такого случая вынуждены совершенно голодать или питаться разными отходами. Так, например, работница цеха № 18 освобождена из Сиблага и 18 февраля 1944 года поступила на работу. Проработав два месяца, износила обувь, с 18 по 28 апреля 1944 года не работала из-за отсутствия обуви. Вместо оказания помощи начальник цеха лишил ее продуктовых карточек, в результате чего она в течение месяца собирала гнилой картофель и им питалась».

«Азаров А.Т., 1928 года рождения, комсомолец, бригадир комсомольско-молодежной бригады. Эвакуирован из Брянска. Делегат 1-го съезда молодых рабочих. Работал в 59-м цехе токарем на метчиках, норму выполнял на 500 и 1000 процентов. Три раза приказом премирован, но премий до сих пор не получил. Оказался совершенно голым и в течение недели на работу не выходил. Начальник юнгородка достал ему фуфайку, он начал работать. Затем порвались брюки. Он неоднократно обращался к т. Метлину, но последний его изругал и чуть ли не выгнал от себя. Не получил даже ласкового слова. Обидевшись, он прогулял полтора месяца, занялся воровством, в настоящее время взят под стражу как дезертир».

Нетрудно подсчитать, что «дезертиру Азарову А.Т.» было на тот

13 окт. ХЛЕБ 100 гр	13 окт. ХЛЕБ 100 гр	13 окт. ХЛЕБ 200 гр	14 окт. ХЛЕБ 100 гр	14 окт. ХЛЕБ 100 гр	14 окт. ХЛЕБ 200 гр	КАРТОЧКА НА ХЛЕБ м.п. на ОКТАБРЬ 1941 г. НОРМА 400 ГР В ДЕНЬ Фамилия <u>Лиховое</u> Имя, отч. <u>Роза Григорьевна</u>						15 окт. ХЛЕБ 100 гр	15 окт. ХЛЕБ 100 гр	15 окт. ХЛЕБ 200 гр
17 окт. ХЛЕБ 100 гр	17 окт. ХЛЕБ 100 гр	17 окт. ХЛЕБ 200 гр	18 окт. ХЛЕБ 100 гр	18 окт. ХЛЕБ 100 гр	18 окт. ХЛЕБ 200 гр							ПРИ УТЕРИ КАРТОЧКА НЕ ВО- ЗБНОВЛЯЕТСЯ		
26 окт. ХЛЕБ 100 гр	26 окт. ХЛЕБ 100 гр	26 окт. ХЛЕБ 200 гр	27 окт. ХЛЕБ 100 гр	27 окт. ХЛЕБ 100 гр	27 окт. ХЛЕБ 200 гр	28 окт. ХЛЕБ 100 гр	28 окт. ХЛЕБ 100 гр	28 окт. ХЛЕБ 200 гр	29 окт. ХЛЕБ 100 гр	29 окт. ХЛЕБ 100 гр	29 окт. ХЛЕБ 200 гр	30 окт. ХЛЕБ 100 гр	30 окт. ХЛЕБ 100 гр	30 окт. ХЛЕБ 200 гр
20 окт. ХЛЕБ 100 гр	20 окт. ХЛЕБ 100 гр	20 окт. ХЛЕБ 200 гр	21 окт. ХЛЕБ 100 гр	21 окт. ХЛЕБ 100 гр	21 окт. ХЛЕБ 200 гр	22 окт. ХЛЕБ 100 гр	22 окт. ХЛЕБ 100 гр	22 окт. ХЛЕБ 200 гр	23 окт. ХЛЕБ 100 гр	23 окт. ХЛЕБ 100 гр	23 окт. ХЛЕБ 200 гр	24 окт. ХЛЕБ 100 гр	24 окт. ХЛЕБ 100 гр	24 окт. ХЛЕБ 200 гр

момент 16 лет. Казенные справки просто пестрят такими фактами, а за каждым из них – конкретная судьба и совершенно конкретная человеческая трагедия. Сколько их было, сколько их разыгралось на новосибирской земле, и сколько невидимых миру слез, отчаянных и горьких, было пролито!

Увы, никакой статистикой и никакой цифирью этого горя никогда не измерить.

Об условиях жилья и быта серьезно заговорили, забеспокоились и забили тревогу в 1943–1944 годах. И были на это серьезные причины: людские резервы были уже практически полностью исчерпаны. Те, кто работал, работали на износ. Совсем не редкостью были диагнозы о полном истощении нервной системы на почве хронического недосыпания. И

ставились эти диагнозы мальчишкам и девчонкам. Практически на каждом оборонном заводе имелись рабочие, число которых измерялось сотнями, подверженных дистрофии и истощению. И не выходящих по этой причине на работу.

В срочном порядке на предприятиях стали создавать дома отдыха, куда отправляли на поправку совсем ослабевших. Расширялись площади, выделяемые для посадки картофеля, формировались специальные рыболовецкие и охотничьи бригады, которые должны были хотя бы в какой-то мере уменьшить недостаток продовольствия. Некоторые пригородные колхозы и совхозы передавались в прямое подчинение заводам. Строже стал спрос с работников ОРСов – отделов рабочего снабжения.

Конечно, меры принимались, но

резко переломить ситуацию они не могли, потому что не было ресурсов. Фронт «съедал» все. И лозунг «Все для фронта, все для Победы!» – это не просто звонкая фраза, нарисованная разведенным мелом или зубным порошком на алом кумаче, это еще и трагедия многих людей, умерших, заболевших, покалеченных на производстве и оставшихся инвалидами, на долгие годы лишившихся здоровья. Их раны, душевные и физические, будут всегда напоминать о себе, как и раны фронтовиков.

«Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...»

Так и хочется добавить к известным поэтическим строчкам, что горечь страданий и потерь тоже одинакова.

Из архивов военных корреспондентов

Детство, опаленное войной

Глава 8

Линия духовной обороны

В Новосибирском областном архиве хранится среди тысяч других документов военной поры и этот, очень краткий:

«Письмо Новосибирского облисполкома местным органам. 31 декабря 1941 г. Секретно.

Для сведения сообщается, что Главным политическим управлением РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии – М.Щ.) предложено на всех знаменах частей заменить лозунг "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" лозунгом "Смерть немецким оккупантам!" Учтите при изготовлении и вручении знамен формируемым частям.

Зам. председателя облисполкома В. Хайновский».

Очень знаменательный документ. Он свидетельствует о том, что уже в первые месяцы войны Советское руководство, пусть и запоздало, но все-таки пришло к важному выводу: с лозунгами мировой революции в годину величайшей опасности, которая нависла над страной, не выстоять. Требовалась более прочная духовная основа, на которой смог бы объединиться весь народ. И тогда прозвучали имена великих русских полководцев, слова гордости за русскую нацию, из небытия вернулись в армию погоны, и оказалось, что великое историческое наследие России, которое громко и ясно объявлялось «царским и отжившим», совсем не имеет сословных разграничений, и отнюдь не отжило. Более того, великое прошлое страны превращалось в грозное оружие.

К чести руководства страны, об этом нужно сказать прямо, оно смогло осознать важность духовного начала в смертельном противостоянии и сделать необходимые выводы. «Братья и сестры» в знаменитом выступлении Сталина третьего июля сорок первого прозвучали, конечно, не случайно. В таких выступлениях и в такие исторические моменты случайностей не бывает. В другой своей речи на историческом параде 7 ноября 1941 года Сталин говорил, обращаясь к войскам, которые должны были прямо с парада уйти на передо-

вую: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Конечно, не могло быть и речи о смене коммунистической идеологии. Но признавалось, что исторические корни России – это как еще одна линия обороны, прочная, проверенная веками и потому надежная.

Пролегала эта невидимая линия обороны и в военном Новосибирске.

К сожалению, не все нынешние читатели, особенно молодые, знают о том, что наш город принимал не только эвакуированные заводы, он принимал еще и исторические ценности. С полным правом можно даже сказать так – он принимал для сохранения славное прошлое нашей Родины. Фашистские идеологи прекрасно понимали его значение. Еще до войны в нацистской Германии было создано специальное ведомство для разграбления наших культурных ценностей, отправке их в Германию и дальнейшего использования в пропагандистской работе. Возглавил ведомство А. Розенберг. Уточняя задачи, стоящие перед Розенбергом, в 1942 году Гитлер писал: «... оперативный штаб для оккупированных областей имеет право проверять библиотеки, архивы и иные идеологические и культурные организации всех видов на основе соответствующего материала и конфисковать их для выполнения заданий национал-социалистической партии в области идеологии и для дальнейшего их использования в научно-исследовательской работе высших школ».

Нас хотели не только уничтожить и поработить, нас хотели лишить исторической памяти, полностью превратить в быдло, в недочеловеков.

И поэтому историческая память, духовные, культурные ценности страны имели, как и во все времена, стратегическое значение. И спасали их, когда это было возможно, нарав-

не с материальными ценностями.

Горит, как и в 1812 году, Смоленск. Фашистские самолеты, армада за армией, заходят для бомбардировки города. В одно из зданий Смоленского краеведческого музея попадает бомба, есть жертвы. А сотрудники музея вместе с директором Е.В. Буркиной в спешке и суете, падая с ног от усталости, готовят экспонаты к эвакуации. А экспонаты – старинный фарфор и хрусталь, серебряные монеты XVI–XVII веков, старинное оружие, картины – Врубель, Репин, Серов, Крамской... Четыре женщины, в круговерти и суматохе отступления, под бомбами, смогли погрузить в один из последних поездов свой драгоценный груз. Вагон был так забит экспонатами, что они могли только сидеть – больше свободного места не было. По дороге эшелон несколько раз бомбили. И все-таки смогли, вырвались, добрались до Горького. Там с помощью местных музейщиков сколотили ящики, упаковали экспонаты, переписали их, а затем погрузились в специальный поезд, который шел на восток и «увозил» ленинградские музеи.

Примерно в это же время и, наоборот, тем же самым путем шел другой эшелон, под усиленной охраной, со спаренными зенитными пулеметами на платформах. Что за груз он вез? От одного только простого перечисления захватывает дух. В деревянных ящиках везли сокровища Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Музея искусств народов Востока, мемориальной квартиры скульптора Голубкиной, Государственной коллекции редких музыкальных инструментов, усадеб «Кусково» и «Архангельское»...

Конечный пункт назначения – Новосибирск.

Про эвакуацию в наш город культурных ценностей можно снимать многосерийные фильмы.

Знаменитая панорама Франца Рубо «Оборона Севастополя в 1854–1855 гг.» На ней, как известно, изображены и адмирал Нахимов, и Даша Севастопольская, и матрос Петр Кошка, и артиллеристы батареи Сенявина. И вот уже в 1942 году эти герои прошлой севастопольской обороны вновь оказались под огнем. На здание, где располагалась панорама, обрушились немецкие бомбардировщики. Загорелся купол. На спасение

исторического полотна бросились матросы, курсанты военно-морского училища береговой обороны. Они обливались водой и бросались в горящее здание, ножами, топорами резали, рубили холсты панорамы и выносили из огня. Спасали до тех пор, пока не обрушился каркас. Многие получили ожоги, были ранены, но 86 кусков панорамы удалось спасти. Их заворачивали в матросские одеяла и зашивали, а затем в грузовиках доставили в Камышовую бухту. Там стоял эскадренный миноносец «Ташкент», чудом прорвавшийся с подкреплением на борту в осажденный Севастополь. Здесь, в бухте, он принимал раненых, около двух тысяч, принял и чудом спасенные куски панорамы. Едва только «Ташкент» вышел в море, как на него сразу же налетели немецкие самолеты, появились вражеские торпедные катера. Маневрируя, «Ташкент» пытался уйти, но в трюме пробоина, поврежден руль, корабль стал терять скорость. Выручили два наших истребителя, которые отогнали «юнкерсов», а от торпедных немецких катеров защитил подошедший эсминец «Сообразительный». В Новороссийск «Ташкент» привели на буксире.

Когда «Севастопольскую панораму» после долгого и смертельно опасного пути доставили в Новосибирск, когда развернули уцелевшие куски, то невольно ахнули: рваные, обгоревшие, в грязи, они были еще и пробиты осколками – пробоин этих было несколько тысяч.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ О РАБОТЕ НОВОСИБИРСКОГО ФИЛИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТРЕТЬЯКОВСКОЙ ГАЛЕРЕИ ЗА НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1941 ГОДА И ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА

26 февраля 1942 г.

Если первые три месяца после прибытия из Москвы филиал, объединяющий у себя эвакуированные фонды и 11 сотрудников Гос. Третьяковской галереи, Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина, Гос. музея нового западного искусства и Гос. музея восточных культур, должен был заниматься преимущественно консервационно-хранительской работой, то со второй половины ноября с прибытием еще 15 научных сотрудников и некоторых дополнительных материалов он смог расширить свою работу по линии художественно-пропагандистской, выставочной и научно-исследовательской.

1

Ноябрь ушел на установление необходимых организационных связей с областными, военными и гражданскими учреждениями для выяснения базы развертывания работы, на доработку читавшихся в Москве массово-популярных лекций и подготовку новых тем. С декабря мы начали лекции-беседы в госпиталях и местах военного формирования, с января к ним прибавились культучреждения г. Новосибирска. <...>

Таким образом за 3 месяца, не считая подготовительный период, научными сотрудниками филиала Гос. Третьяковской галереи проведены 85 массовых лекций-бесед и 3 публичные лекции на темы:

1. «Героическое прошлое нашего народа и Красная Армия».
2. «Ленин и Сталин — организаторы наших побед».

250

Реставрация «Севастопольской панорамы»

Есть что-то глубоко символическое в том, что еще недостроенный Новосибирский театр оперы и балета, еще ни разу не открывший занавеса своей сцены, принимал в свои стены Высокое Искусство, давая ему надежный приют и оказывая помощь.

Самые лучшие реставраторы Третьяковской галереи, сокровища которой также находились во время войны в Новосибирске, приступили к спасению «Севастопольской панорамы». За помощью обратились в обком партии, отправив туда длинный список необходимых материалов. Свидетельств не сохранилось, но можно с полной уверенностью представить, что было у работников обкома немалое удивление: не хлеба

просили, не крупы, не валенок, а значилось в длинном списке следующее: папиросная бумага, скипидар, мед, кедровое масло, осетровый клей... Когда разобрались, для чего это требуется, все смогли найти. И уцелевшие части панорамы были спасены. По ним и по сохранившимся эскизам Франца Рубо позднее изготовят копию панорамы, которая и

займет свое прежнее место в городе русской славы Севастополе.

А в Новосибирске в холодном и снежном ноябре 1942 года, все в том же недостроенном оперном театре, произойдет событие, которое навсегда останется в истории города: откроется выставка шедевров Третьяковской галереи. Великое русское искусство предстанет перед сибиряками во всей своей красоте и мощи. За полгода на выставке побывает более ста тысяч человек.

Вот парадокс времени – именно в военные годы в Новосибирске была насыщенная культурная жизнь. И связана она была, прежде всего, с традициями старой петербургской культуры. Слово перекинулся своеобразный исторический мост: инженеры, отцы-основатели юного Ново-Николаевска, за редким исключением, принадлежали к лучшим представителям петербургского общества, отличавшиеся не только высоким профессионализмом, но и широкой культурой. Прошли годы. И снова город на Неве словно передал Новосибирску на сохранение лучших своих представителей. В Новосибирск из Ленинграда в военные годы были эвакуированы не только промышленные предприятия, сибиряки приняли не только детей, вывезенных по «дороге жизни», но мы приняли, – и это не просто красивый образ, а правдивый факт! – цвет нашего искусства. Посудите сами. В Новосибирске работали такие прославленные коллективы, как Ленинградская филармония, Ленинградский институт театра и музыки, Ленинградский

Сокровища Третьяковской галереи в Новосибирске

симфонический оркестр под руководством Е.А. Мравинского, одного из лучших дирижеров мира. Три года в нашем городе работал старейший театр страны – Ленинградский театр драмы имени А.С. Пушкина. 1200 спектаклей, на которых побывали более миллиона зрителей, а еще тысячи и тысячи концертов на заводах, в госпиталях, в воинских частях и регулярные выезды отдельных актеров на фронт. Старое изречение о том, что музы молчат, когда говорят пушки, было полностью опровергнуто.

Наш город должен быть благодарен «творению Петра», потому что именно ленинградцы заложили основы высокой музыкальной культуры, именно они «привили» сибирякам любовь и понимание лучших образцов отечественной и зарубежной классики. И совсем неудивительно, а закономерно, что в послевоенное время Новосибирск по праву стал считаться музыкальной столицей Сибири, а имена наших лучших скрипачей известны всему миру.

Надо отдать должное руководителям города и области, которые прекрасно понимали важность и значимость пребывания на нашей земле прославленных коллективов. Для актеров и музыкантов старались создать все условия, конечно, в тех пределах, какие были возможны. И деятели культуры отдавали свой талант зрителям и слушателям щедро, искренне и с любовью. А какие имена значились на афишах! Е.П. Корчагина-Александровская, Ю.М. Юрьев, К.В. Скоробогатов, Н.К. Черкасов, Е.В. Толубеев... Без усталости выступал перед новосибирцами легендарный Иван Иванович Соллертинский, который умер в нашем городе и упокоен

в нашей новосибирской земле.

Радио для новосибирцев той поры было неотъемлемой частью жизни. Притихнув, люди слушали сводки Совинформбюро, радовались победам. Но была у новосибирского радио и одна особенность: когда раздавались позывные радиопередачи «Огонь по врагу!», город в буквальном смысле принимал к репро-

дукторам – вот какой популярностью пользовались бойцы Кузьма Шмельков и Илья Ветерков, ставшие по-настоящему народными героями. Они приходили, словно наяву, в квартиры и госпитали, в заводские цеха, на строительные площадки, два веселых бойца-фронтовика, и рассказывали, что воинственный «барон фон дер Пшик», мечтавший о варениках и сметане, «попал на русский штык, и остался от барона только пшик!»

Очевидцы рассказывают, что артисты Ленинградского театра имени А.С. Пушкина, придумавшие эту передачу, К. Адашевский и А. Борисов, так вжились в свои роли, что перед выходом к микрофону в студии всегда надевали солдатскую форму. Третьим неизменным участником этой поистине легендарной и народной радиопередачи был слепой баянист Иван Маланин.

Радиопередача «Огонь по врагу!» выходила в эфир до самого конца войны. И она была нужна людям, измученным работой и тяжелым бытом, прежде всего потому, что невольно внушала: грозный враг может быть не только посрамлен, но и побит.

Об этом же говорили и выпуски военных киножурналов, которые демонстрировались прямо на стене нынешнего краеведческого музея. Проектор устанавливался на здании на улице Горького и через улицу, через сквер луч падал на стену, и замирало сердце, особенно у мальчишек, когда видели они военную хронику и самый знаменитый фильм советской поры «Чапаев». Не было предела восторгу, когда оказывалось, что Чапаев выплыл – был в военное время такой вариант – и снова на коне, с шашкой

наголо, скакал вперед, а его встречали пехотинцы, артиллеристы и танкисты...

Были у нас Леонид Утесов и Лидия Русланова.

С именем прославленной Лидии Руслановой связан один красноречивый эпизод, который ярко характеризует атмосферу того времени и военного Новосибирска, когда искусство не только принадлежало народу, но и было востребовано им, как хлеб.

По решению руководства комбината № 179, где производили боеприпасы (нынешний завод «Сибсельмаш»), решено было организовать для рабочих бесплатный концерт с участием Лидии Руслановой. Все вопросы быстро решили, для концерта выбрали самое большое помещение – кинотеатр «Металлист». К назначенному часу в зале яблоку некуда было упасть, да что там яблоку! Пол был усеян оторванными в давке пуговицами. А за стенами зала в это время...

Впрочем, все по порядку. За Руслановой и за артистами, участвующими в концерте, послали легковые машины и представителя комбината А. Яцкевич. Но пока артисты собирались, понтонный мост развели. И вот ситуация: на левом берегу – полный зал зрителей, на правом – легковые машины с артистами и Руслановой. Кинулись звонить по начальству и в конце концов добились: мост свели. Поехали. Но тут новая беда – ветер, большая волна, мост заливают, машины гложут. Что делать? «Там же полный зал! – в отчаянии закричала А. Яцкевич. – Лучшие наши рабочие и инженеры! Они ждут! Это же праздник для них!» Дверца машины решительно распахивается, и великая русская певица, подобрав полы пальто, пошла по ледяной воде, коротко бросив своим артистам: «За мной!» Брела, пересекая Обь, и не оглядывалась: знала, что послушаться ее никто не посмеет.

Ноги ей потом оттирали спиртом, но концерт, хоть и с опозданием, состоялся. Как же она пела! «Валенки, валенки, не подшиты, стареньки...» И как ей рукоплескал зал!

«Замечательный у вас народ!» – говорила Русланова, когда ее провожали в гостиницу. Так и хочется добавить: у такого замечательного народа и певицы были великие.

Глава 9

«Этот день мы приближали, как могли...»

Город продолжал жить в условиях и по законам войны. Ее дыхание ощущалось в самом воздухе, ее черная тень маячила везде. И в резких, вскрикивающих гудках паровозов, которые тащили на запад, казалось, бесконечные эшелоны с солдатскими теплушками и с платформами, закрытыми брезентом, и в серых людских потоках, тянувшихся к проходным заводам, и в стуке деревянных костылей по асфальту, и в не совсем трезвых голосах безногих инвалидов, которые «причаливали» на своих катаках в людных местах Ипподромского базара, разворачивали гармошки – руки-то целые! – и пели самозабвенно про синенький, скромный платочек, про двадцать второе июня, ровно в четыре часа, и про то, как в городском саду когда-то играл духовой оркестр; пели, не столько надеясь на скудное подаяние, сколько на понимание – непроходящая душевная боль не вмещалась в груди и требовала выхода, хотя бы в песне...

Но через тяжкий быт, через голод, через изматывающую работу и бесконечную тревогу, словно через свинцовую мрачность сплошных туч, прорывались солнечные лучи надежды и озаряли людей, вселяя в них уверенность.

Люди верили в Победу. И это не просто слова. Когда знакомишься с некоторыми фактами из истории Новосибирска военных лет и когда серьезно задумываешься над ними, порою начинаешь ловить себя на тревожной мысли: понимаем ли мы, осознаем ли мы, родившиеся после войны, в полной мере – какой величайший подвиг совершили наши отцы и матери, через какое невиданное горнило испытаний они прошли и не сломались, сохранив душу живую...

Так уж устроен человек, что любит он многие слабости своего характера списывать на тяжесть времени – мол, это не моя слабость, а время такое... И какой же резкий контраст с такой удобной точкой зрения представляют события, которые происходили в военном Новосибирске. Абсолютно не будет преувеличением фраза, казалось бы, уже порядком потерявшая свою эмоциональность от час-

того употребления, но она остается истинной по сути – люди верили в Победу. И эта вера творила чудеса. Она жила не только в душах, она принимала вполне конкретные формы.

В самый тяжелейший период войны принимается решение о достройке оперного театра. А в середине войны Новосибирский горисполком объявляет конкурс на лучшее архитектурное решение по застройке центра Новосибирска. В 1943 году в недостроенном еще оперном театре состоялось специальное заседание горисполкома, посвященное 50-летию Ново-Николаевска – Новосибирска. В фойе – огромная выставка, рассказывающая об истории родного города. Также именно в военные годы Новосибирский горисполком принимает решение о строительстве в городе Дома пионеров и октябрят имени Кирова. И Дом этот был построен. Сегодня его наследник и преемник – Дворец «Юниор» является одним из лучших в России.

Все эти факты, перечисленные выше, можно было бы множить и множить. Но важен не перечень, а важна суть: о будущем могли думать только люди, уверенные в Победе. Иным это было бы не по плечу.

А думать о будущем – это, в первую очередь, думать о детях. Город, несмотря на все тяжести военных лет, никогда не забывал о маленьких новосибирцах. Даже в самые тяжелые дни находилась, пусть и скудная, возможность поддерживать школьников обедами в школе, найти для них одежду и обувь. Документы той поры свидетельствуют, что вопросы учебы и питания детей рассматривались наряду с вопросами о производстве военной техники.

Сложность заключалась еще и в том, что многие школьные здания были отданы под военные госпитали. И там, где раньше были классы, теперь располагались палаты с ранеными.

Дети тогда выросли очень рано. И не только потому, что

было у них мало еды, что писали они на старых газетах, разводя водой сажу, что не могли иногда пойти в школу из-за отсутствия обуви или одежды, но еще и потому, что многие из них были уже опалены безжалостным дыханием войны – они ведь своими маленькими сердечками переживали огромное горе черных похоронок, гибель отцов, старших братьев. И нужно было немалое мужество и великая любовь, чтобы, глядя в эти детские глаза, в которых затаилось взрослое страдание, вдохнуть в детей нашего города радость жизни, познания нового и человеческой доброты. Новосибирское учительство смогло это сделать. Школьное образование в Новосибирске, несмотря на сложнейшие условия, продолжало работать в нормальном режиме. И в каждый военный год первого сентября звенел звонок, собирая детвору на торжественные линейки. И было чувство, что этот залихватский звонок звучал сродни артиллерийским залпам, ведь он тоже убеждал всех – наше дело правое и Победа будет за нами...

Есть в Дзержинском районе школа № 82. Во время войны она тоже была занята под госпиталь. Учебные

Субботник на строительстве оперного театра, 1944 г.

классы располагали в самых разных помещениях. Но самое знаменитое было у младшеклассников – они занимались в доме своей учительницы Прасковьи Антоновны Морозовой. Да, именно так. Она предоставила свой собственный дом в распоряжение своих учеников. Здесь проходили уроки, здесь можно было посушить мокрые валенки на печке, здесь можно было обогреться морковным чаем, пусть и без сахара, но главное, что здесь грело, – это была великая любовь первой учительницы. И вот из таких подвигов, негромких, порою совершенно неизвестных, потому что о них не писали в газетах, и складывался один общий и великий подвиг нашего Новосибирска во время Великой Отечественной войны.

Вера. Надежда. Любовь. Три этих старинных русских слова, пусть их не часто произносили в то время, снова засияли в первозданности своего смысла в военные годы. Лишения, тяготы, голодный быт, потери родных не озлобили людей, не сделали их волками по отношению друг к другу, наоборот, люди поддерживали друг друга, помогали ближним, чем могли, и оставались людьми в самом высоком и достойном смысле этого слова.

Об этом тоже не следует забывать. Может быть, даже в первую очередь.

И вот здесь, именно в этом месте, где идет речь о вере, надежде и любви, мне и хочется, хотя бы вкратце, рассказать об этом человеке, чья фамилия уже не раз упоминалась в очерке и о котором в современном Новосибирске напоминает лишь скромная мемориальная доска, да и ту установили всего лишь несколько лет назад, благодаря немногим энтузиастам. Для большинства молодых новосибирцев эта фамилия мало что скажет – к горькому сожалению...

Поэтому и рассказываю.

Михаил Васильевич Кулагин.

В оставшихся документах о нем сообщается немного – официальные анкетные данные не передают масштаб личности, они лишь сообщают даты и факты: родился Михаил Васильевич в крестьянской семье в Подмоскovie, работал по найму в Москве, там же во время Гражданской войны вступил в рабочий полк и воевал под Петроградом, под Нарвой, под Варшавой. Затем, как и многие его ровесники, учился недолгое время в комвузе, работал на различных должностях в советских и партийных

органах. В 1941 году назначен первым секретарем Новосибирского обкома ВКП (б).

Кажется, что вся предыдущая судьба Михаила Васильевича была подготовкой к этому периоду его жизни – самому яркому и значимому. Без всякого преувеличения можно сказать, что он являлся центральной фигурой в жизни города и области на протяжении самых тяжелых лет в истории нашего государства – с 1941 по 1949 годы. Его знали в лицо не только по выступлениям на митингах и по портретам в газетах, его знали в лицо в заводских цехах, на колхозных полях, в госпиталях и в школах.

Взвалив на себя воз неимоверной тяжести, он тащил его, не жалея ни себя, ни своего здоровья. Бывал крут в принятии решений, но и человечен – когда видел, что необходимо участие в судьбе людей, которые обращались к нему как за последней надеждой.

Очень интересное свидетельство оставил о М.В. Кулагине американский журналист Харрисон Солсбери, который был аккредитован в Москве во время войны как корреспондент «Нью-Йорк Таймс». В своей книге «В Москву и дальше» он описывает свои впечатления о поездке в Сибирь и о встречах с М.В. Кулагиным.

«Первый раз я увидел Сибирь во время войны. Я сопровождал Эрика Джонстона, бывшего тогда главой Торговой палаты США, во время поездки во внутренние области России. Нашим хозяином был Михаил Кулагин, губернатор Западной Сибири, самый стойкий коммунист, какого я когда-либо встречал. В годы Гражданской войны он служил в кавалерии Буденного. Сопровождавший Э. Джонстона республиканский деятель Вильям Вайт заметил, что «партийная дисциплина – это единственное, что Кулагин понимает и уважает».

Оперный театр был высшей его славой.

Новосибирск, который я увидел в 1944 году, был военным городом, городом эвакуированной промышленности, эвакуированных рабочих. В цехах заводов, которые мы посетили, кипела работа. Кулагин, показывая нам свое предприятие, иногда останавливался, чтобы поздороваться с подростком-крановщиком или протянуть руку курносой Наташе, занятой обтачиванием снарядов на токарном станке. Казалось, он знал

М.В. Кулагин на митинге в Новосибирске 9 мая 1945 г.

всех рабочих по именам.

Я думаю, что Михаил Кулагин жил, чтобы увидеть свою Сибирь стоящей на пороге прорыва в новую эру. Это было то, чему Кулагин посвятил свою жизнь. Он не был сибиряком. Но большего энтузиаста Сибири никогда не существовало. Он бросил всю свою невероятную энергию и всю силу своей горячей и неукротимой мощи на общее дело Сибири. В те несколько дней, которые мы провели с ним в 1944 году, он почти непрерывно говорил о том, какой будет Сибирь, когда закончится война. Он собирался сделать все от него зависящее, чтобы сохранить в Сибири промышленные предприятия, которые были эвакуированы из Москвы и Ленинграда. «Они будут развиваться по-новому, – говорил Кулагин, – они нужны нам здесь». Он хотел сохранить оркестры, хоровые группы и театры, которые были отправлены в надежный тыл.

«Этот край – это российское будущее, – сказал он. – Конечно, жизнь здесь тяжелая. Мы нуждаемся в культуре так же сильно, как и в промышленности. Скоро придет день, когда люди будут бороться за шанс приехать в Сибирь. Сибирь – это будущее России».

Вот такая красноречивая характеристика дана была американским журналистом Михаилу Васильевичу Кулагину, имя которого мы должны, – да нет, обязаны, – достойно вернуть в нашу новосибирскую историю.

Пришла и к нам на фронт весна.
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Алексей Фатьянов

Май 1945 года. Берлин. Идут победители

Снимки из архива подполковника бронетанковых войск в отставке М.С. Баранского

Глава 10

Мы помним

Весна 1945 года пришла в Новосибирск как предощущение близкой уже и такой долгожданной Победы. Город словно выпрямлялся, вырастал. Светлели лица людей, а глаза их сияли.

Автору этих строк не раз приходилось слышать рассказы очевидцев о том, каким был день Победы в нашем городе. Но мне не хотелось бы их пересказывать, потому что есть прямое свидетельство замечательного нашего новосибирского писателя, участника Великой Отечественной войны, старшего сержанта, лауреата премии имени Гарина-Михайловского Геннадия Никитича Падерина. В свое время, готовя к печати первый номер журнала «Горница», было это в 1995 году, мы предложили нашим писателям-фронтовикам написать воспоминания о том, как они встретили день Победы. Написали все. Мы опубликовали целую подборку. На

сегодняшний день в живых из тех авторов остался только Геннадий Никитич – дай ему Бог здоровья!

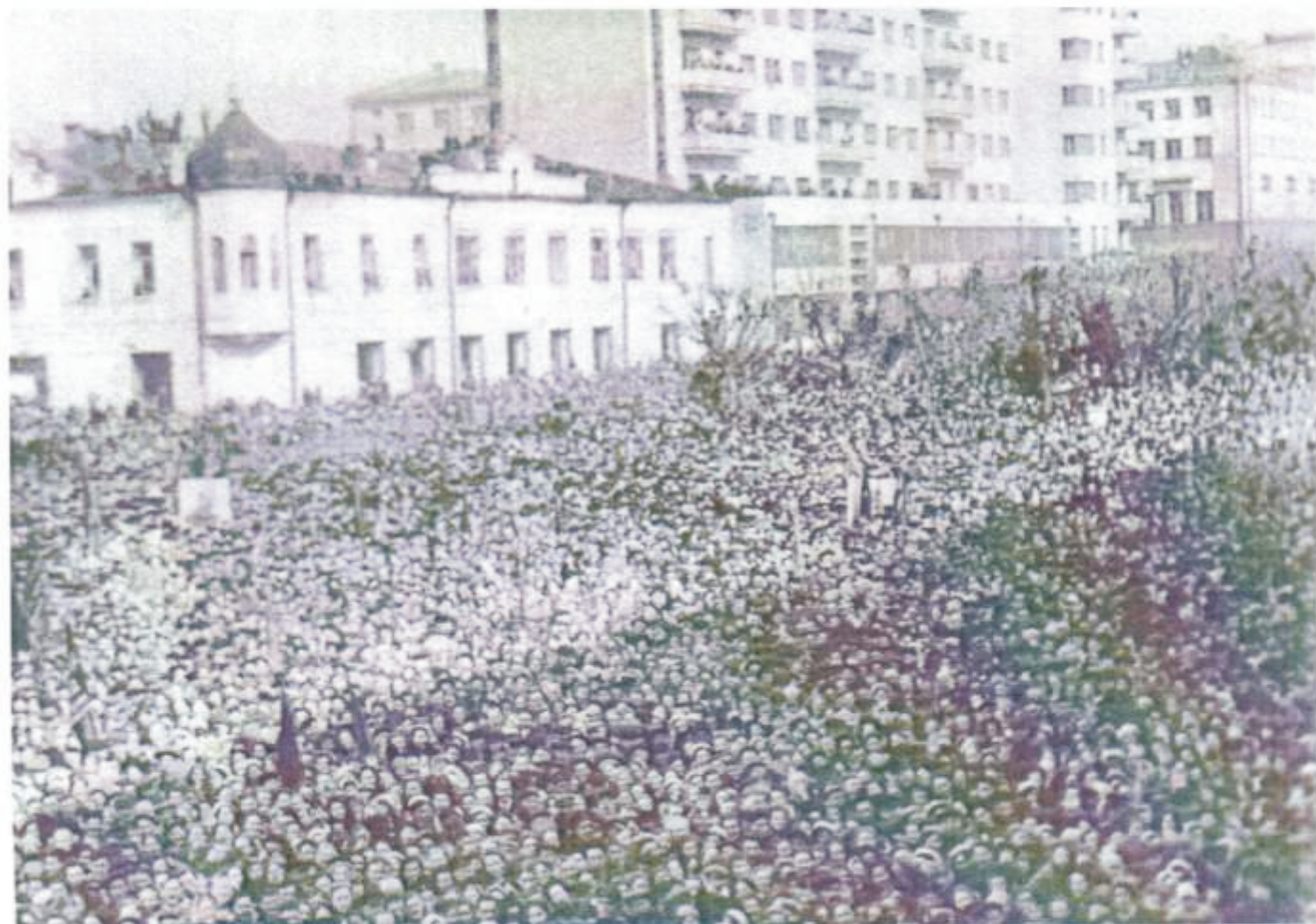
И вот его рассказ.

«Отвоевавшись к сентябрю 42-го, отлежав бока на госпитальной койке к сентябрю 43-го, вернулся в Новосибирск, откуда в сентябре 41-го уходил в составе лыжной бригады на фронт. В заплечном мешке привез бутылку спирта и три картонные коробки. В одну из картонок госпитальная сестра-хозяйка упаковала запас стерильных тампонов и бинтов (раны еще продолжали требовать к себе внимания), вторая была наполнена желтым мелкокристаллическим порошком, именовавшимся риванолом и обладавшим противомикробным действием, а в самой маленькой хранилась горсть «сувенирных» обломков собственной кости, перемешанных с осколками немецкой

мины, которая достала меня на поле боя вслед за снайперской пулей.

С этим вещмешком и начал обустриваться на колючей обыденности глубокого тыла, где картофельные драники, поджаренные при микроскопическом участии растительного масла, и затируха из отсебков ржаной муки воспринимались как деликатес. Жене приходилось время от времени навещать донорский пункт – там в качестве платы за сданную кровь выдавали дополнительную хлебную карточку, которую разрешалось тут же и реализовать; получив буханку хлеба, она не в силах была удержаться по пути домой от искушения отщипнуть кусочек-другой, пока от буханки не оставалась половина, предназначенная для меня.

Батареи отопления в квартирах пребывали в полуобморочном состоянии, а коммунальные службы видели свою главную задачу в том, чтобы не позволить батареям перемерзнуть. По радио периодически транслировали рассказ о том, как трудился Ленин (не припомню имени автора рассказа) – Ленину якобы продуктивнее всего работалось при

Многолюдный митинг у здания облисполкома в Новосибирске 9 мая 1945 года

комнатной температуре, не превышавшей 13 градусов.

Электроэнергии хватало только на освещение. Пользование электроплитками запрещалось категорически, нарушителям грозил неподъемный штраф. От соблазна розетки заклеивались бумажными квадратиками, заверенными гербовой печатью. Пищу готовили на плите, неумно пожиравшей каменный уголь; драгоценные камешки антрацита собирали на обочинах железнодорожного полотна по пути следования кузбасских угольных составов.

Нескончаем щемящий перечень невзгод военной поры, обильно политый слезами женщин, стариков, детей, но мы к тому времени не сомневались: Победа будет за нами! И еще: мы безоглядно верили, что после Победы жизнь быстро пойдет в гору. Это знание и эта вера держали на плаву.

Ожидание последней точки в изнурительной войне было долгим и терпеливым, но чем короче становилось расстояние до Берлина, тем поспешнее колотилось сердце, торопя заветный день. В конце марта победного года перестали выключать на ночь радио, мирясь с тем, что черная бумажная тарелка громкоговорителя будила в шесть утра всю нашу коммуналку.

Сорок пятый апрель спустился с неба, распродав, подобно цыгану, всю зимнюю одежду. Солнце радовалось вместе с нами победной весне, снег полностью растаял в первые дни месяца. Не имея в своем гардеробе демисезонного пальто или какой-либо куртки, сразу из солдатского полушубка перебазировался в кургузый пиджачишко и чувствовал себя вполне комфортно.

Пришел май. Главной темой всех разговоров – на работе, дома, на кухнях, в кинотеатрах – были сообщения Совинформбюро. Ко сну отходили в сопровождении баритона Юрия Левитана, день ото дня набиравшему торжественную высоту, с его аккордами и просыпались.

И вот он – пик: "Говорит Москва..."

Все же по-странному устроена человеческая психика: сколько дней готовились к этой минуте, давно свыклись, казалось бы, с мыслью, что вот-вот последует сообщение о завершающей точке, а когда оно прозвучало (у нас в Новосибирске толь-

ко начинался день), сердце сбилось с ритма от неожиданности.

Скорее – на улицу, к людям, поделиться радостью с теми, кто пропустил трансляцию! Но нет, таких не существовало. Центральная площадь города, а вслед за нею и весь Красный проспект заполнились толпами пол-летнему одетых ребятишек, женщин, стариков, солдат, парней, скакавших на костылях в госпитальных фланелевых халатах, из-под которых белели гачи подштанников. Молодежь смеялась и пела, старики плакали, появились гармошки и гитары, трофейные аккордеоны, начались танцы.

Почему-то многих, как и нас с женой, охватило необоримое желание двигаться, переходя от группы к группе, и обмениваться поздравлениями с такими же ошалевшими от избытка чувств людьми. На ликующее столпотворение удивленно пялились неумытыми окнами автобусы, которые остались без пассажиров и без водителей там, где их застал голос Левитана.

...Дома ждала госпитальная бутылка спирта, предназначенная для обработки ран – они обошлись без роскошества, довольствуясь риванолом. Подъехал одиннадцатилетний братишка жены, позвали соседей, содвинули граненые стаканы и алюминевые кружки, и 76-летний Петр Петрович Поливин, которому в этот день разрешили не являться на службу в управление железной дороги, предложил:

– За тех, кто дошагал!»

И снова был знак с неба.

Девятого мая 1945 года с утра над городом прошел короткий, тихий и теплый дождь. Он словно для того и упал на Новосибирск, чтобы заботливо умыть его, освежить и подготовить к тому великому известию, которого все столь долго ждали.

Мы не знаем, кто первым из новосибирцев пал в сорок первом, не знаем, кто пал последним в сорок пятом, но мы помним...

Мы ничего не забыли: и горе матерей, которым некого было встречать, и сына, который не мог обнять своей матери, потому что рукава гимнастерки были пусты, и слезы радости, слезы победы, бегущие по щекам, и наши салюты – словно отсветы огней минувших сражений...

Мы помним и с теплой любовью чтим светлую память всех, кто отстаивал наше родное Отечество.

Помните!

«Письмо домой».

Художник
Вениамин Чебанов

Дорогая мама! Не так давно я попал под сильную бомбежку. Бомба взорвалась метрах в сорока от меня. Разрушило дом, около которого я был всего несколько минут назад. Меня же подбросило и крепко оглушило, да еще лбом пробороздил огород... Были жаркие бои. Попал в госпиталь. Я очень изменился. В поезде меня считали пожилым человеком, а медсестра в госпитале дала мне больше 30 лет. А мне через четыре дня исполнится 21 год...

Ю. К. Третьяков

